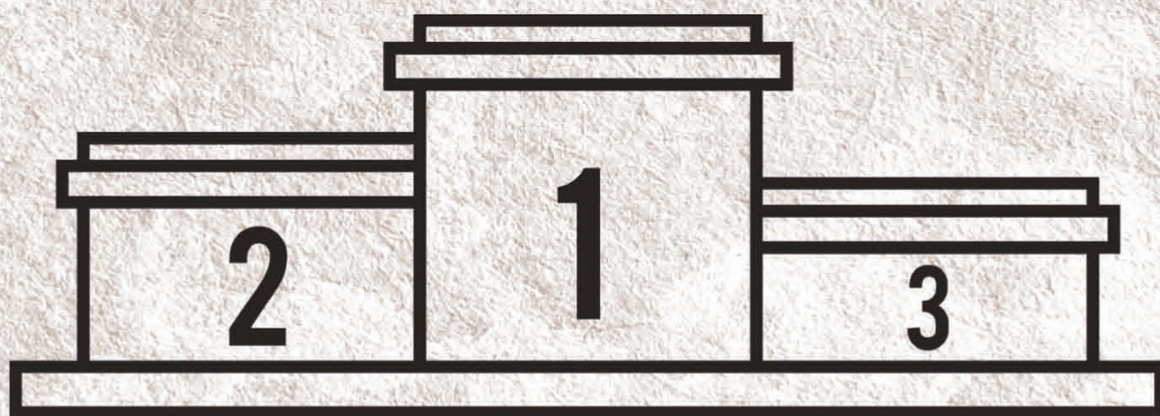

УВЛЕКАТЕЛЬНОЕ ЧТИВО

МИХАИЛ СЕРЁГИН

ДМБ

БОЛЬШИЕ МАНЕВРЫ

ВЕСЁЛЫЕ АРМЕЙСКИЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ

ДМБ

Михаил Серегин
Большие маневры

«Научная книга»

Серегин М. Г.

Большие маневры / М. Г. Серегин — «Научная книга»,
— (ДМБ)

Соревнования российских солдат с солдатами НАТО — само по себе дело ответственное и важное. А тут еще, как мотыльки на свет, слетелись на маневры журналисты, гринписовцы, хиппи, и целая армия алкоголиков и бродяг... Наши «химики» не смогли остаться равнодушными к такому «празднику жизни» и устроили собственные состязания — на звание самого веселого и безбашенного...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	33
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Михаил Серегин

ДМБ: Большие маневры

Глава 1

Сор из избы

Горячая каша медленно стекала по стенкам желудка, укладывалась ровными слоями и готовилась к плавному переходу в двенадцатиперстную кишку – в отдельном батальоне закончился завтрак.

Простаков вышел на улицу, оглядел свысока своих подданных и пригласил отдельный взвод химзащиты построиться, дабы последовать на утренний развод. Приглашение сопровождалось легкими ударами огромного кулака в бок, не слишком громким матом и выдергиванием изо рта недокуренных сигареток.

Сегодня им ничего необычного услышать на разводе не удалось. Как и запланировано, весь взвод отправляется на занятия по теоретической подготовке. Рассевшись в кубрике на табуретки и прислонив головы к койкам или же уткнувшись в собственные ладони, бойцы приготовились добросовестно спать в сидячем положении в течение двух с половиной часов.

Ведущий занятия лейтенант Мудрецкий также был склонен раскрыть перед собой один из учебников химических войск и ткнуть в него лбом, потому как со вчерашнего вечера остались не только воспоминания, но еще и плохое самочувствие вследствие невероятного количества выжранного спиртного.

Через час тихого дрема младший сержант Простаков, почесав огромный затылок пальцами размером с сосиску, ткнул в бок своего мелкого кореша Валетова и поделился с ним скучностью проходящего мероприятия. Сидящий за «давидом» и «голиафом» механик-водитель ефрейтор Резинкин увидел, как перед ним колышется огромная туша, и поспешил ее успокоить, хлопая по спине:

– Спать, Леха, спать. Еще даже не полдень, давай спать.

Младший сержант обернулся на окошко и увидел там лучики летнего июльского солнышка.

– Лето, – протянул Леха. – А у нас в Сибири сейчас комаров полно. Слышь, Фрол?

Простаков одним пальцем потыкал меж ребер Валетова, тот только отмахнулся во сне.

– Ой, что-то скучно мне. – Здоровый парнище глядел на сослуживцев. Все без исключения спали, кубрик напоминал поле битвы с полежшими на нем бойцами. Мудрецкий не отставал от подчиненных. Простакову хотелось развлечений. После завтрака уровень глюкозы в крови повысился и требовалось куда-то деть накопившуюся энергию, а между тем по плану занятия должны были идти еще полтора часа – он не вынесет! А-а-а!!! Леха снова было попытался разбудить Фрола, но тот ни в какую.

Мыслишка, пришедшая младшему сержанту на ум, не могла понравиться Валетову изначально, но кто же его будет спрашивать, раз он так сладко спит?

Простаков встал, осторожно поднял с табурета Фрола и на руках понес его в сортир. Проходя мимо своих товарищей, Леха пытался никого не задеть болтающимися в воздухе сапогами Валетова. Он аккуратно обогнул всех спящих, и оставалось только пронести тело между косяком и головой лейтенанта Мудрецкого. У Лехи получилось почти все, оценку за артистичность он заработал бы «6.0», если бы не досадный момент: каблук сапога проехался по свободному от кепки темечку лейтенанта. Леха по-быстренькому исчез в коридоре, а Мудрецкий резко поднял голову и оглядел личный состав:

– Что такое? – И снова долбанулся лбом о раскрытую книгу.

Притопав в туалет, Леха поставил спящего Валетова на подоконник аккурат перед открытым окном – плохо только, что этаж в казарме первый. Фрол стоял и спал. Ему снилось, будто он неожиданно, вместо того чтобы залезть на маленькую, ладненькую девчоночку, плюнул на нее и начал подниматься по лестнице, ведущей на вышку бассейна. И самое неприятное – ему предстояло с этой вышки прыгнуть. Вот он забирается все выше, подходит к самому краю и смотрит вниз с десятиметровой высоты.

Не, он не будет, он не сможет! Да на фиг это надо, лучше проснуться! Нет, проснуться, однозначно проснуться!

И в этот момент Простаков, сволочь, орет Валетову прямо в ухо:

– А-а-а!

Фрол вздрагивает, просыпается и одновременно падает с вышки вниз, сила тяжести тянет его с подоконника первого этажа... Но крепкая рука поднимает его вверх и держит на весу в воздухе. Он болтает ногами, не в силах понять, что же случилось, – яркое солнце бьет ему в заспанные глаза. Он понимает, что не упал ни с койки, ни со стула, но в то же время потерял под собой всякую опору.

– А! Суки! А! Охерели все, гады ползучие! – орет Фрол, не понимая, откуда в казарме зелень на деревьях и вид их медсанчасти вместо потолка. Наконец он соображает, что над ним издевается здоровый его приятель, поворачивает голову, несмотря на то что его держат за шкуру, как щенка, и требует, чтобы его обратно втащили в окно и позволили пойти отлить, иначе сейчас он замажет собственные штаны и оросит внутренним миром казенные окрестности, включая младшего сержанта.

Простаков затащил мелкого обратно в туалет, прислонился к стене и стал ржать как ненормальный. Валетов, злой и перепуганный, доведенный до состояния кипения, не принимая в расчет ни собственную массу, которая раза в три меньше, ни возможную силу удара, наклонил башку вперед и, словно козел, разбежался и со всего маху боднул Леху в живот. От неожиданности Простаков охнул и согнулся пополам, а Валетов отошел в сторону и залыбился. Не упуская возможности двинуть ему еще раз, тем более здоровый в кои-то веки подставил свой затылок, Фрол пошарил глазами по полупустому сортиру и не смог найти ничего тяжелого, для того чтобы огреть детину, дабы тот запомнил раз и навсегда, что над маленькими издеваться нехорошо.

Леха продолжал стоять, согнувшись и обняв живот, но Фрол уже злорадно подумал, что заставил-таки гиганта испытать боль. А тот возьми да и хи-хи, хи-хи, хи-хи, хи-хи! Разогнулся и снова продолжил свое ржание, по-детски показывая пальцем на мелкого.

Фрол в ярости вылетел из туалета, а Леха снова прислонился к стене и продолжил реготать в одиночку. Он хохотал так, что от наслаждения закрыл глаза. Кто-то вошел в туалет, но ему на это было наплевать – он испытывал кайф от проделанного. И когда в следующее мгновение что-то вновь ударило ему в живот, он почувствовал офигительнейшую боль. На этот раз Леха согнулся пополам. Его глаза не то что резко открылись, они выставились вперед, как у сваренного рака. Стоящий со шваброй в руке Валетов, как видно, ткнувший его торцом черенка, перехватил покинувшую Леху улыбку и с наслаждением глядел на муки гиганта. Тот был не в силах броситься на Фрола и придушить его, так как боль в животе заставляла сгибаться снова и снова. Валетов опять увидел здоровый, массивный затылок.

«Да чего ему будет-то?!» – мелькнуло в башке Фрола, и он с радостью опустил черенок швабры на голову Простакова. Послышался треск. У Валетова от страха подогнулись колени – неужели череп проломил? В следующее мгновение полшвабры отлетело в угол сортира, а оглушенный Простаков растянулся на сыром и грязноватом кафельном полу.

* * *

В то время как перепуганный Валетов прыскал в лицо водой отключившемуся в сортире Лехе, командир отдельного мотострелкового батальона подполковник Стойлохряков сидел в своем собственном кабинете, разложив на столе карту окрестностей, и внимательно выслушивал по телефону указания генерал-лейтенанта из Самары. Из штаба округа сообщали пренебрежительнейшее известие: меньше чем через месяц по плану состоится приезд гостей из стран, некогда считавшихся у нас вероятными противниками. Блок НАТО на самарских просторах будут представлять, по данным округа, французы, англичане и немцы.

«Данный визит – шаг скорее политический, нежели профессиональный, так как участвовать в учениях будут четыре взвода, каждый представляет соответственно одну страну, а командует всем этим... – Стойлохряков подумал о слове „сброд“, но решил себя поправить и согласился с определением „ансамбль“, – некий американский полковник Тод Мартин от НАТО, а принимающую сторону в поле возглавляет подполковник Стойлохряков.

Генерал-лейтенант Лычко больше никакой информации сообщить не мог, но гарантировал на сто процентов, что взвод с российской стороны подполковник должен суметь укомплектовать из собственных людей.

– Да вы что?! Извините, товарищ генерал, сорвалось. У меня ведь одни дебилы! Опозоримся ведь.

– Так по всей России, – не поддержал комбата высокий чин. – Я хотел сказать, что лучше вашего батальона мне не найти. Тем более что все решено наверху.

– А чем заниматься будут? – Стойлохряков поглядел тоскливо на опустевшую примерно с полчаса назад чашку. Когда-то там был крепкий чай.

– Учения какие-то, – буркнул Лычко. – Пока не могу тебе ничего сообщить, так что готовь универсальную команду. Вместе с натовцами приедут члены из Москвы, вот они все и определяют. А если мне что-то станет известно, то я тебе сообщу в обязательном порядке, но вряд ли раньше, чем за неделю, появится какая-либо определенная информация.

– Да как же так? Мы же принимающая сторона, мы что, определиться с программой не можем?! – возмутился комбат.

– В Москве что-то мудят, откуда я знаю, – огрызнулся Лычко. – Ты давай вот конкретным вопросом занимайся, чтобы там у тебя на территории все было чики-чики! Чистота. Порядок. Срач убирай.

– Мы это дерьмо не устраивали, пусть летуны разгребают!

– У летунов программа плотная. И как ты себе представляешь их копающимися в дерьме?

– Так, значит, пехотинцев, в дерьме копающихся, можно представить?

– Ты давай не выступай! – Лычко повысил голос. – Ты всего-навсего кто? Комбат. Вот и оставайся комбатом и не лезь своим рылом в фарфоровые миски. Метафора. Я сегодня в ударе, – генерал-лейтенант повесил трубку, а Стойлохряков подошел и посмотрел на плац, где проходили запланированные занятия.

* * *

– До-о-о-о, – протянул Валетов и пощелкал в воздухе пальцами, – Резина, тебе не кажется, что что-то не то?

Маленький Фрол заложил руки за спину и прохаживался по кубрику от двери до окна и обратно.

– До-о-о-о, – снова протянул он. – Чего-то не хватает, как-то мелодия не идет.

– Да, – соглашался Резинкин, – не катит.

– Мне не нравится, – пробурчал Простаков, сидя на койке с головой, обмотанной мокрым полотенцем. – Валетов, ты придурок, ты мне чуть башку не проломил.

– Да ты не сердись, – суетился мелкий, пытаясь хоть каким-либо образом поднять настроение обидевшемуся Лехе.

– Я ведь над тобой просто прикололся, а ты вот мне дубьем по голове! – продолжал бурчать Леха.

– Да ладно, сейчас смотри как весело будет! До-о-о-о, – снова протянул Валетов, подбежал и пнул сапогом в бок стоящего в упоре лежа Ларева, – давай говори мне: «До-о-о-о»!

Фрол поставил сапог между лопаток бойца и надавил вниз, после чего тот шлепнулся мордой об пол. Присутствующие и не участвующие в шоу заржали.

Семеро молодых были поставлены в упор лежа, причем все сделано было по науке: первым, отвечающим за ноту «до», стоит самый крупный боец, за ним идет помельче, потом еще мельче и еще мельче.

– Ре-е-е-е, – пропел Валетов и точно так же поставил сапог между лопаток Саше Кислому, и тот следом за Ларевым брыкнулся в пол. – Во! Понимаешь, музыка! Леха, музыка!

Леха продолжал раскачивать башкой:

– А чего это их семеро?

Валетов подошел.

– Ну как же ты не знаешь, нот-то семь! Для того чтобы какую-нибудь мелодию сбазать, надо семь нот.

– Всего семь? А-а, ну да. Давай мелодию.

– Так, товарищи бойцы, запоминаем, – «дирижер» прохаживался перед «оркестром», – все в упор лежа. Кислый отжал меха наверх, Ларев поднялся...

Утоптанное вниз бойцы вновь обозначили готовность к воспроизведению музыки для обиженного товарища младшего сержанта Простакова. Валетов зачитал программу:

– Ми-ми-до-фа-ре-ми. Запомнили, уроды? Поехали!

И началась музыка! Боец, обозначивший нужную ноту, после хлопка дирижера сгибал локти и целовал пол с необходимой и требуемой Валетовым интонацией. После чего по казарме разносилась мелодия, состоящая из разрывающихся с начищенным полом засосов:

– Мня, мня, мня-мня.

Валетов ходил недовольный:

– Фа! Ну ты чего отстаешь! Из темпа выбиваешься, надо интенсивней локти сгибать! И чмок, чмок звонче! Я ничего не слышу, а товарищ младший сержант, он вообще как не в театре находится! В чем дело, я не понимаю? Поехали еще раз. Ми-ми-до, фа-ре-ми, ля-фа-соль, соль-ля-си. Что здесь непонятного?

Бойцы сгибали локти и звонко целовали пол, что не могло не доставить удовольствия самому «дирижеру». Он повернулся и озабоченно поглядел на основного зрителя, для которого и было в быстром темпе организовано это представление.

– Ну как? – выжидающе спросил Валетов, представляя, как за обедом очень даже возможно его моська по самые уши войдет или в горячие щи, или кашу в том случае, если ему не удастся в первую половину дня задобрить младшего сержанта. Он тоже слегка пошутит. Но тогда над Валетовым будут ржать все, а сейчас еще не поздно попытаться загладить собственную вину.

Стоящий на входе билетер очень поздно подал команду «шухер», и застроенные в упор лежа семь «нот» не успели подняться и принять безучастный вид. На пороге появился Мудрецкий.

– Что, занятия по физкультуре? – Юра ввалился в кубрик. – Простаков, что с башкой?

Спустя год службы Юра уже был не тем Юрой, который приехал в Чернодырье отбывать два года повинности в звании лейтенанта. Время даром не прошло и для него, и сейчас он

спокойно мог разговаривать на солдатском и всем понятном языке. На вопрос Леха не ответил. Мудрецкий заулыбался:

– Сам себе минет делал – коленями башку прищемил, да? Свело судорогой?

Ржали все. Леха лупал глазами:

– Товарищ лейтенант, чего это такое?

– Секс это, – огорченный тем, что шутка не могла дойти до широких масс по причине полнейшего незнания ими спецтерминов, пробурчал лейтенант, подцепил ближайший к нему табурет и уселся на него. – В общем так, бойцы, готовьтесь в поход, я только что от Стойлохрякова. Резинкин, бегом в парк за «шишигой»! Сейчас нам дадут сопровождающего и поедем на место.

– Опять работа? – догадался Валетов и, пребывая в дикой огорченности, с разбегу плюхнулся в койку. Пружины жалобно скрипнули, передавая мрачное настроение и остальным бойцам.

Мудрецкий честно признался в том, что ничего толком не знает, хотя честность его была некристальной. Он знал от комбата о предстоящей возне в грязи. Сопровождающим оказался какой-то капитан в летной форме. Синий цвет настолько контрастировал с пехотными комками, что не обращать внимания на летуна было просто невозможно. На него пялились не только построенные в две шеренги химики, но и все, кто проходил мимо плаца.

Как выяснилось из скупой речи капитана, им предстояло проехать примерно с час, прежде чем они прибудут на место. Обычно товарищам солдатам такого и не говорили, сажали в кузов – и вперед. Скажут вылазь – вылезут, скажут не вылазь – не вылезут. А здесь даже время обозначили. Сразу чувствуется, войска интеллигентные, все образованные, видать. Что ни говори – авиация! Ему еще осталось только координаты назвать.

«Шишига» добросовестно выполнила свою работу, ни разу нигде не заглохнув, а если бы такое случилось, то Мудрецкому пришлось бы взять в руки клизму и обратиться с ней на пару к некоторым частям тела ефрейтора Резинкина, и химвзвод все одно прибыл бы на место. Когда люди вылезли из кузова, их лица наполнились великой скорбью.

Примерно в двух километрах от точки выброски были видны стоящие рядом «вертушки» на аэродроме, а под ногами у бойцов была земля, пропитанная отработанными маслами и керосином, которые суки-вертолетчики в течение многих лет сбрасывали в яму. Вскоре образовалось озеро, и до сих пор не понятно, как сюда еще добрый человек не бросил горящую спичку.

– Ну вот, – летун показал объект.

– Ага, – согласился Мудрецкий, – думаю, что курить тут небезопасно.

– Целиком и полностью согласен, – капитан расплылся в улыбке. – Ну что, я могу идти?

По дороге все рассказал.

– Да, – Мудрецкий пожал руку, и капитан направился пешочком к аэродрому по накапанной проселочной дороге. Как видно, яму регулярно посещали машины вертолетного полка и продолжали сливать сюда отходы.

– И что нам делать? – Резинкин подошел по чавкающей под кирзовыми сапогами почве к краю горячего «озера», если так можно называть естественно образовавшуюся впадину, принудительно заполненную отходами нефтяной промышленности. Лужа по площади была не больше баскетбольной площадки, но никто не знал, где у нее дно.

– Отойди от края! – Мудрецкий вернул Резинкина к машине.

– Ну и вонища, – брезгливо бросил Фрол и сморщил нос.

Лейтенант оглядел солдат, стоящих в офигевших позах и разглядывающих то, что им предстояло, судя по приказу Стойлохрякова, уничтожить. За четыре недели химики должны были кровь из носа ликвидировать грязь в районе вертолетного аэродрома. При этом на месте нынешнего нефтяного озерца, содержимое которого частенько гадило местную речушку благодаря идущим дождям, должны были быть разбиты чуть ли не клумбы с розами. Во всяком

случае, нагрянувшие в гости «бывшие враги» не должны иметь ни единого шанса догадаться о наличии в окрестностях части экологической каки. А отбросы, вот они, прямо перед глазами, переливаются всеми цветами радуги да еще и воняют!

После минутного стояния, несмотря на гулявший ветерок и изредка приносивший свежий воздух, Юра почувствовал, как у него начала кружиться голова. То же самое явно происходило и с остальными. Заставив людей погрузиться в кузов, Мудрецкий велел Резинкину отъехать от лужи на километр, после чего построил личный состав.

Возмущению народа не было предела. Лейтенанту кричали из строя в нарушение всех воинских уставов:

– Как же так, что же мы будем ладонями, что ли, черпать?

– Куда это все уносить?

– Что, на месте поджечь? – Реплики неслись одна за другой.

– Смирно! – рявкнул Мудрецкий, сам еще плохо себе представляя, каким же образом ликвидировать объемный срач, оставшийся еще с застойных времен, возраст которого исчислялся явно не одним десятком лет. – Хорошо, хоть тут не воняет, да? – лейтенант кисло улыбнулся и, поглядев на часы, прикинул, что если они задержатся здесь больше, чем на час, то прозевают обед, а это никак невозможно. Вывод напрашивался следующий: немного отдохнуть и обратно. Людей кормить, самому похавать.

Что-то больно быстро хочет комбат порядок-то навести. Юра разрешил народу расстаться в тенечке растущих неподалеку посадок, а сам пошел в кабину, выгнал оттуда Резинкина и завалился спать, повесив наблюдение за диким личным составом на младшего сержанта Простакова.

* * *

Проснулся лейтенант от того, что его куда-то тащили за ногу. Окончательно он в себя пришел, когда огромные мощные руки выдернули его из кабины и поставили перед собой.

– Доброе утро еще раз, – ехидно поздоровался подполковник, разглядывая лицо лейтенанта.

– Виноват, товарищ подполковник, что-то сморило немного.

Комбат не стал слушать объяснения и буркнул:

– Пошли.

Стойлохряков выехал в поле не на персональном ковче-самолете и не на уазике, он приехал на ЗИЛе, к которому была прицеплена полевая кухня.

– Загляни в кузов, – приказал комбат. Мудрецкий заглянул. Внутри лежали палатки и запас харчей. – Целый месяц тут будешь жить, – обрадовал подполковник. – Тебе задача – разобраться с озером. Люди должны работать в противогазах, иначе вы тут с ума посходите от вони. Противогазы новые.

– А как работать-то? – не понимал Мудрецкий.

– Завтра все узнаешь. Сегодня приеду в восемь часов, наблюдаю разбитый лагерь. Вопросы есть?

Какие могли быть вопросы? Никаких вопросов у лейтенанта не было.

* * *

День выдался теплым, а ночка оказалась немного прохладной. Валетов, зажатый с одной стороны Простаковым, а с другой – Резинкиным, был повернут и положен на один бок так плотно, что и не повернуться. А внутри палатки какая-то сволочь летала возле уха и постоянно норовила укусить нежного Валетова в щечку. Фрол уже был готов дать твари напиток крови

и настраивал себя морально на то, что сейчас ему будет чуточку больно, а затем напившаяся тварь отлетит в сторону и больше никогда к нему не пристанет и даст-таки наконец уснуть.

Самое интересное, что комар был один. Ведь по ходу дела в природе одним экземпляром ничто не обходится, обязательно где-то есть еще. Валетов наконец заставил себя не махать свободной, не прижатой телом к жидкому матрасу рукой и позволил над собой надругаться. Самое сложное – терпеть вначале, когда эта маленькая гадина села, начала, видимо, на ощупь, не чувствуя, перебирать своим хоботочком, для того чтобы найти местечко получше, и потом только полезла за кровью сквозь кожу.

Фрол даже сморщился, поскольку началось впрыскивание вещества, предотвращающего свертывание. Насосавшись по полной, тварь аккуратнo вынула свой хоботок и отвалила. Валетов выдохнул с облегчением – наконец-то он уснет! И тут снова – зу-зу-зуу!

– Вампиры! Мать вашу! – далее последовала тихая матерщина, закончившаяся свистом тяжелого сибирского кулака по воздуху.

Растолкав спящих Резинкина и Простакова в стороны, Фрол перевернулся на другой бок и накрылся одеялом с головой, что уже не однажды предпринимал, но полностью закрыть лицо не удавалось, так как лично его одеяло было зажато телесами Простакова. И пока он его не двинул хорошенько, тот материал не освободил.

Наконец-то он накрыт с головою! А воздуха вполне достаточно. Фрол улыбнулся сладким мыслям и приготовился спать. И в тот момент, когда он уже видел, как к нему идет голая прекрасная девушка с распущенными русыми волосами, готовая ему отдаться прямо на пляже, в этот самый момент над ухом снова раздалось ненавистное зыканье. Причем комар находился не над одеялом, а под, то есть он успел попасть внутрь в тот самый момент, когда Фрол накидывал тряпицу на себя.

Кое-как помахав рукой и в надежде на то, что пришиб тварь, Фрол снова пошел навстречу голой девушке, но насекомое, как это следует из биологии, было также женского пола и требовало от него крови.

– У меня на всех не хватит, – бурчал Валетов.

И тут он получил в спину:

– Ты заткнешься или нет? – буркнул Простаков.

– Да пошли вы на хрен! – обиделся на всех дрыхнувших в палатке рядовой и, кое-как поднявшись вместе с одеялом, выбрался на свежий воздух.

Перед костром, обозначая дневального, сидел Саша Кислый. Молодой упитанный боец встретил появление противного Валетова с негативными эмоциями – он уже представлял себя бегущим, предположим, вокруг костра и изображавшим северного шамана опять для того, чтобы Лехе Простакову, который как раз с Севера, слаще спалось.

Но ничего такого не последовало. Отлив, Валетов подсел к костру и протянул к нему руки.

– Загрызли гады, – пожаловался он. – Вот корешам моим, чего им не спать? Тот, который здоровый, он всю жизнь на природе, кулак себе под щеку положит и, как на подушке, будет поживать, понимаешь? Гены у него. А второй – Резина – это ж водила, это ж знать надо. Они вообще спят сидя. Вот ты, – Валетов ткнул Кислого в бок, – вот ты можешь, Кисляк, спать сидя?

– Могу, – пробормотал толстячок.

– Ну и дурак, – удар не заставил себя долго ждать. – А я не могу сидя спать, понимаешь? Я в городе вырос. Я хочу хорошую постель, подушку, набитую пером, а не ватой, жарчку хочу в ресторане. Ты был, Кисляк, в ресторане?

– Был, – проныл Саша.

– Неужели? – Фрол глядел на пухленькое курносое лицо. – То-то я гляжу, ты раскормленный. А я сколько ни ел в ресторанах, мне так и не удалось поправиться, понимаешь? Тоже гены.

Дух молчал и лишний раз рот перед дедушкой не разевал.

– Ну чего ты? – обиделся Валетов. – Ты со мной беседуй. А то ночь идет, а я спать не могу. Ты чего-то должен делать для того, чтобы я наконец устал и пошел баиньки.

– А чего делать-то? – не понял Кислый.

– Ну как это чего? – Валетов огляделся. За слабо освещенным пятачком костра была сплошная темнота. – Вот ты анекдоты знаешь?

– Анекдоты, – провыл Кислый. – Огни.

– Это чего, анекдот?

– Да нет, огни!

Валетов повернул голову туда, куда показывал палец. В районе нефтяного озера на самом деле время от времени можно было наблюдать какие-то проблески. Похоже, кто-то в километре отсюда водил фонариком. Могло такое дело и казаться, но иного объяснения явно имевшему место мерцанию у Валетова не нашлось. Затем засветились два глаза.

– Машины! – воскликнул Валетов. – Там какие-то козлы! Они что, решили искупаться? Нам потом еще с трупками возиться! – Фрол даже вскочил с бревна, на котором сидел.

Фары еще раз сверкнули в темноте и исчезли.

– Ни фиги себе, – не понял Валетов. – Надо с утра глянуть, что за дело такое. Ты раньше не видел? Давно тут сидишь?

– Нет, только сейчас заметил. – Кислый поднялся следом за дедушкой.

Валетов чувствовал необычайное возбуждение и подсознательно понимал, что теперь уснуть ему не удастся до самого утра.

– Может, это диверсанты натовские! – вытаращил он глаза на Кислого. – Ты знаешь, для чего мы это озеро ликвидировать-то будем?

– Ну, знаю, – проямлил Саша.

– Ты понимаешь, что у нас тут политическое дело! Если эту грязь увидит НАТО, то лицо нашей Родины будет испачкано этими нефтяными отходами, и все журналы на Западе будут обсирать твою вотчину, товарищ солдат! Поэтому завтра готовься усиленно трудиться.

– А чего делать-то?

– Кислый, – не выдержал Валетов, – ты будешь делать то, что тебе велит твоя великая страна, а сейчас следи за порядком. И вот еще что!.. В течение получаса я слышу хлопки, а утром ты мне демонстрируешь сто трупов комаров, и это за то, что они надо мной сегодня глумились. У меня чешется щека, понимаешь? Меня укусили. За один укус рядового Валетова все духи во взводе будут набивать по сто комаров. Иначе несправедливо получается: из меня кровь высасывают, а я остаюсь неотомщенным.

Идея настолько понравилась Фролу, что он в благодушном расположении духа побрел в палатку. На ходу обернулся на сидящего около костра рядового и прикрикнул:

– Хлопков не слышу!

Войдя в полную темень, он попытался на ощупь найти место для того, чтобы лечь. В шестиместной палатке, где, кроме Простакова, Резинкина и Валетова обитали еще три дедушки, аккуратно всем улечься можно было только на одном боку. Поворот осуществлялся, как говорится, по команде. Для Валетова сейчас могло и вообще места не остаться, так как он мелкий, а люди во сне запросто сомкнут ряды.

Нашупав на расстоянии вытянутой руки деревянный лежак, на который были уложены матрацы, Валетов неожиданно для себя обнаружил, точнее, не обнаружил ни одной ноги. Так как он встал раком и наклонился к лежаку, более удобного момента для атаки придумать было невозможно – твердый удар сапогом в задницу заставил Фрола пролететь с метр и плюхнуться на вторую половину лежака. Валетов взвыл.

Дембель Петрушевский стоял и ржал вместе с остальными:

– Мелкий, ты заколебал возиться, – Валетову сделали показное внушение, и он был вынужден с этим смириться. Даже Простаков – скотина! – не спешил заступиться за него. Фрол, не успев лечь как следует, начал уворачиваться от падающих на него тел сослуживцев.

– Придавите! Придавите же, суки! – вертелся Валетов.

– Спать надо с вечера, комаров терпеть, не вздумай срать ночью и во сне пиздеть, – выдав скороговоркой частушку, Петрусь улегся последним, растолкав сослуживцев.

* * *

Утро Валетов встретил с опухшей от укусов рожей. Он после пинка под зад от дембеля уснул крепко-крепко и уже не чувствовал, как его кушают. Поглядев на остальных спящих рядом с ним, он, к своему сожалению, не обнаружил ни одной точно такой же, как у него, истерзанной физиономии. Ну, были прыщички то тут, то там, и не более. А Простаков, скотина, в наглую смеялся:

– Поглядите на чудо! – Леха постарался обратить внимание на рожу Валетова как можно большее число пацанов. – Вот образец сладкого российского солдата!

– Слушай, – Резинкин тоже не преминул съязвить, – какая у тебя группа крови?

Полевая кухня уже дымилась, навеяв мысли о скором завтраке. Приехавший вместе с бочкой на колесах повар в звании рядового крутился над своими котлами. Звали пехотинца Васей, а фамилия – Ленточкин.

Вася был дембелем, но из тех, что не слишком-то задаются сроком собственной службы, и спокойно переносил все тяготы кашеварства, тем более что к нему навечно был прикреплен один дух из числа химиков. И этим духом оказался не кто иной, как Ларев.

Простаков не стал оспаривать назначение лейтенанта, ведь плотный душара, вымахавший до ста восьмидесяти пяти сантиметров, ему очень нравился, и гулливер был не прочь самостоятельно загружать крепкого бойца, а теперь выходит, что он на месяц выпал из оборота и будет заниматься всякой херней: воду там носить, дрова колоть да посуду мыть, дабы во взводе весь личный состав был готов к тяготам службы.

Еще не высохли капли на тарелках после завтрака, а к нефтяному пруду уже подъехали три машины с желтым песком и вывалили в непосредственной близости от озера содержимое кузовов.

К десяти снова объявился Стойлохряков. На этот раз в кузове ЗИЛа химики обнаружили лопаты и ведра. Застроив личный состав, комбат указал на кучи:

– Засыпаем равномерно и хорошенько утаптываем. Каждый день сюда будет приходиться по три машины. К вечеру все три кучи должны быть раскиданы. И таким образом день ото дня все ударно трудятся, и через четыре недели мы превращаем гадюшник в цветущий сад.

– Не по-человечески это, – не выдержал Валетов, глядя на огромные кучи.

Стойлохряков, как и любой командир, ненавидел, когда ему пытаются что-то рассказать про жизнь.

– Лейтенант, проследите за тем, чтобы рядовой перетащил лично сто ведер песка на другую сторону пруда. Завтра туда подъедут машины, но кучку из ста ведер я наблюдаю сегодня к вечеру. Приезжать буду каждый день. Расслабиться никому не дам.

Мудрецкий решил переспросить:

– Что, людям на самом деле работать в противогазах?

– Как хотите, – пожал плечами подполковник, – средствами защиты я вас обеспечил, а остальное, лейтенант, вам решать здесь, на месте. Как хотите, так и делайте. Если ветер сильный, думаю, можно ничего на рожу и не натягивать. А завалится личный состав в госпиталь, спрошу только с вас.

* * *

Вечером Валетов уже не замечал ни комаров, ни мух, ни каких-либо других насекомых – он свалился после ужина прямо около костра и отключился.

Проснулся через час. Солнышко уже клонилось к закату, вот-вот стемнеет. Простаков, Резинкин и Петрусь машут в воздухе руками, бросая карты – бьются парни в «дурака». Почесавшись, Валетов подсел четвертым.

– Народ, я вчера ночью поссать выходил...

– А мы все знаем, – Резинкин бросил пикового туза на десятку.

– Так я что сказать хочу, там ночью у костра дневальный сидел. Кислый. Так вот мы с ним видели у озера огни.

Троица перестала играть.

– Какие огни? – не понял Петрусь. – Чертей, что ли, ты видел?

– Говорю вам, что к озеру кто-то ночью приезжал. Машина была легковая. Я рассмотрел. Сто пудов!

– А хер с ними, – обыденно бросил Леха, и игра возобновилась.

Обиженный столь пренебрежительным отношением к себе со стороны товарищей, Валетов пошел и снова завалился дрыхнуть в ночь. Он даже не проснулся, когда с двух сторон от него начали падать на матрацы уставшие за день туши. Правда, в самой крайней из пяти палаток никто особо сильно не надрывался. Для проведения тяжелых работ существовали бойцы более позднего призыва, а обитатели крайней палатки только наблюдали за тем, как проходили работы, не забывая отвесить застоявшемуся бойцу крепкого пенделя.

На дедов с дембелями никто особо не прыгал, так как у них имелось оружие массового поражения в виде Лехи Простакова. За это Леху любили, но только те, с кем он был близок. А остальные если и не ненавидели гиганта, то и не проявляли к нему никаких сыновних чувств, как должны были бы, исходя из ситуации. Ведь он как бы отец их родной, много прослуживший старый солдат, а эти граждане недавно прибыли и ничего страшного, если они целый день поносят ведра с песочком и будут потихонечку засыпать пруд, образовавшийся в результате большой любви к природе со стороны авиаторов.

Наступила темная ночка. Валетов заставил сам себя проснуться в три часа, для того чтобы доказать этим смеющимся над ним уродам собственную правоту. Он вышел из палатки. Перед костром теперь сидел вместо Кислого здоровенький Ларев. Валетов, не садясь перед костром и отмахиваясь машинально рукой от комаров, осведомился насчет возможных огней в районе озера.

Дух ничего не видел. У Фрола как-то защемило под ложечкой – неужели он зря проснулся? Ну ладно, посидит часок, покараулит. Может, все-таки объявится вновь машина. Он даже ушел от костра для того, чтобы глаза лучше реагировали на возможное мерцание из темноты.

Походив вокруг да около, побросав недолгие взгляды в сторону нефтяной лужи, Фрол вновь вернулся к Лареву. У костра не так кусали, а отойдешь немного, сразу накидываются жрать, гады! Комарье было настолько свирепым, что казалось, будто они свои личинки откладывают не в лужи, а непосредственно в этот говенный пруд, где затем в процессе развития мутируют и впрыскивают в человечков столько яду, что укусы зудят не один час. Отвратительное дело.

Вдруг Ларев резко вскочил и вытянул руку вперед:

– Вон! – шепотом крикнул он.

Фрол обернулся и обрадовался тому, что на самом деле что-то там мерцает. Не рискнув в одиночку выяснять, что там за уроды лазят, Валетов ринулся в палатку и стал трясти Простакова.

Лехе снилось, как это и водится, море водки, пива таз и о дембеле указ, а тут какой-то мелкий чуть ли не по спине у него скачет. Гулливер подорвался и вынес Валетова на улицу, где и поставил на ноги.

– Чего тебе надо?! – ревела полусонная гора.

– Я тебе говорил, лазят там!

– Да ну и хер с ними, это твое, что ли? Пусть хоть улазятся.

– Так, может, они песок воруют?

– Да пусть хоть уворуются! – Леха оттолкнул Валетова и побрел было снова спать, но Фрол вскочил и повис у него на шее.

– Пойдем поглядим! – шептал он ему на ухо. – Давай не будем никого будить, пойдем поглядим!

Леха понял, что от мелкого сегодня ему не отвязаться, стряхнул «пиявку» на землю и покорно склонил голову.

– Ну, пошли, – промывчал он, убивая на щеке Валетова комара. При этом Фролкина башка загудела, словно колокол, и только спустя пару секунд мозги синхронизировались с глазами.

Резинкин выполз на шум:

– Вы чего, козлы! – пропел он.

– Сам молчи, козел, целый день в машине дрыхнешь! – огрызнулся Леха. – Я себе уже всю ногу отбил пинки отвешивать, а ты даже такой херней не занимаешься, как стимулированием народа на работы.

– Да ладно, чего ты, – Резинкин подошел к костру, взял головешку и закурил. – Чего такое-то?

– Да вон, глянь, – не унимался Валетов. В ночи сверкали огонечки.

– Машина, – определил Резинкин.

– Шерлок Холмс, – похвалил его Валетов. – Ну так что, двинули?

Трое скрылись в темноте. Ларев не мог ничего им возразить, но про себя подумал, что деды ненормальные, так как ночь солдату дана не для того, чтобы разгуливать.

Вот он бы сейчас с превеликим удовольствием не изображал бы тут дневального, а дрых без задних ног, и то спасибо товарищу лейтенанту, что разрешил не в полной темноте сидеть в засаде и ждать неприятеля, а костерок развести и около него греться – ночью все равно зябко, хоть и лето.

Трое быстро приближались к нефтяной луже. Вначале изредка переговаривались, потом Простаков велел всем заткнуться. Подошли, наверное, метров на тридцать. По фарамам, горящим в темноте, Резинкин спокойно определил, что перед ними не что иное, как четыреста восьмой «Москвич» – раритет тот еще.

По доскам гулко стучали сапоги одинокого мужичка. Очертания фигуры не выдавали в ночном посетителе гиганта, что очень хорошо действовало на нервную систему Валетова, который по натуре был трусоват, даже в те минуты, когда рядом с ним находился здоровяк Леха. Мужик в гордом одиночестве носил от нефтяного озера по два полных ведра маслянистой жижи и сливал их куда-то в багажник, видимо, в заготовленную емкость.

Когда он проходил к машине, бойцы смогли разглядеть, что лицо мужика обрамляет густая седая борода и над глазами нависают мохнатые брови.

– Вон какой древний, – не выдержал Валетов, но тут же огромная рука закрыла ему рот.

Мужик, топя сапогами по доскам, возвращался с очередной порцией жижи, когда перед ним на настиле появился Простаков, поднял руки вверх и заорал:

– А-а-а-а!!!

Дед выронил ведра, причем они перевернулись так неудачно, что облили ему старые ботинки, и вытаращил глаза.

– Что, страшно, дядя?

Тем временем Простаков развернулся, и теперь фары били ему в спину, немного света попадало и на физиономию деда.

– Здравствуйте, – промолвил старик. – Вы что, ребята, шутите?

– А чего ты тут лазишь? – шептал Простаков.

По доскам протюкал Валетов и, высунув голову из-за спин, пискнул:

– Привет! Дед, зачем тебе эта жижа?

Старик медленно подобрал емкости и теперь стоял с опущенными вдоль туловища руками, не делая попытки шагнуть с досок в сторону, так как в этом случае он по щиколотку бы ушел в жидкую, пропитавшуюся горючкой почву.

– Ребята, не надо, – отступал он обратно к озеру.

– Чего не надо? – наступал на него здоровый Леха.

Они так бы и шли, – один спиной, другой лицом, – если бы не добрались до края лужи.

– На фига тебе мазут?

Дед сжал ладони на груди.

– Ребята, не губите. Ну, у дедушки старая машина, она ведь на всем ездить может.

Резинкин также прошел по настилу и присоединился к честной компании. Теперь трое солдат стояли один за другим, и все пытались увидеть лицо дедульки, спрятавшееся за огромными бровями и бородищей. Только мясистый нос торчал.

– Ну не говорите властям, – жался дед. – Зачем вот вы озеро засыпаете, солдатики? Ведь не понимаете вы ничего.

Резинкин не выдержал:

– Не может машина ездить на этой фигне!

– Отойдите, пропустите меня. Я уеду, больше никогда здесь не появлюсь! Вот сейчас вот только досточки соберу – это мои досточки, я каждый раз с досточками приезжаю, чтоб не провалиться, – и уеду. Больше вы меня не увидите.

– Нет, старый, ты постой! Вот мы тебя к своему командиру отведем, – Валетову нравилось, что старикан боится властей.

– Ты что, хочешь сказать, что твоя машина ездит на мазуте? – не унимался Резинкин. – Этого быть не может! Сюда что только не сливали. Всякого дерьма полно.

– Отпустите! – взмолился дед. Он обернулся к озерку и ловко зачерпнул еще парочку ведерок жижи. Повернувшись, одно поставил на землю, а другое взял в руки так, что в любое мгновение мог плеснуть.

– Э, дед, ты чего? – Простаков попятился, подминая под себя Валетова, которого едва успел вытащить из-под ног здоровяка Резинкин. Все трое отступали от решительно настроенного пенсионера, который пошел на них с ведром в руках. – Ты это, ты не думай только плеснуть, придурок!

Резинкин шел последним, поэтому, наверное, и мог подавать голос, так как у остальных языки к небу прилипли.

Неожиданно Леха споткнулся и упал на спину, успев подмять под собой двоих товарищей.

– Ироды! – воскликнул дед и выплеснул на них ведро горючки.

– Да ты чего?! Твою мать!!! – закричал Простаков, силясь побыстрее подняться.

Когда они снова оказались на ногах, сбежали с настила и отступили к машине, у деда в руках горела спичка:

– Ну что, сынки, может, забудем про все нехорошее, что случилось сегодня?

Больше всех был перепачкан Простаков.

– Ах ты, сука! – вырвалось у мелкого Валетова, и кровожадный дед тут же кинул в него горящую спичку, которая не долетела и потухла прямо у ног, вымазанных в горючке.

Валетов хотел бы отскочить в сторону, да оказался спиной припертым к «Москвичу». А дед тем временем ловко снова высек огонь.

– Ну что, здоровый, ты за что хотел дедушку-то обидеть? Я ведь еще, засранцы, фрицев помню! И сыном полка был. Думаете, мы таких вот скотов, как вы, не умели обуздать? Да еще как умели! – очередная спичка потухла, и дед ее выкинул в сторону, а потом подошел вплотную к Простакову с новым фитилечком пламени. – Ну как, жить-то хочется?

Леха молчал. Ему было страшно – одно неловкое движение, и он весь вспыхнет, словно факел. Во всяком случае ему так казалось.

– Сынки, вы меня лучше не трогайте! А то дед Федот вам всем жопы подпалит! – очередная спичка догорала, и старик хотел отбросить ее в сторону, да неловко крутанулись пальцы, и она полетела прямо ему под ноги.

Леха, сам себя не помня, подпрыгнул с места назад и оказался на капоте. Старик глядел под ноги и видел, как спичка, будто при замедленной съемке, падает вниз, касается его старых ботинок, и в следующее мгновение огонь охватывает его снизу вверх.

Забравшись на крышу четыреста восьмого, Леха дернул вверх и Резинкина, и Валетова. Дед стоял внизу перед машиной и орал так, будто в следующее мгновение жизнь его должна была оборваться. И в данном контексте смысла в крике было очень много. Дед понесся было по деревянному настилу обратно к озеру.

– Ты чего?!! Ты куда?!! – орал Валетов, оставаясь в своем уме. – Мужики, сейчас будет большой костер, – Фрол сиганул вниз с крыши и побежал в степь.

Дед остановился и продолжал орать. Пламя с ботинок перекинулось на старые штаны. Он пробежал по доскам в обратную сторону, пронесся мимо машины, обогнал убегающего Фрола и светящимся факелом умчался в поле.

– Ну что, надо спасать мужика-то! – Леха скинул с себя фуфайку. И троица принялась ловить орущего и бегающего из стороны в сторону деда.

Ларев, сидя у костра, услышал вдалеке крики. Повернув голову, он увидел, что по полю бегут объятые огнем ноги – больше ничего разобрать невозможно. До этого момента в своей жизни Вадим не встречал ничего такого, что заставило бы его креститься. К своему стыду, он долго вспоминал – слева направо или справа налево надо наложить на себя православный крест, но в конечном счете решил, что трижды в одну сторону и трижды в другую будет вполне достаточно для избавления от нечистой силы.

Тем временем Леха в три прыжка догнал безумного пенсионера, повалил его на землю и накинул на ноги фуфайку. Дед продолжал орать уже после того, как на нем лежали все тулупы, имевшиеся у троицы. Пламя быстро потухло, и вскоре деда Федота посадили на землю. Он тарашил глаза, хватал ртом воздух и шупал собственные ноги:

– Не сгорел, ребятки! Не сгорел! Слава богу! Ноги-то целы! Ребятки, только ткань да и волосы подпало! А ведь даже не больно, ребятки!

Резинкин с Лехой подхватили деда под руки и подвели его обратно к машине, усадили на землю в свете фар и устроили допрос с пристрастием:

– Старый, давай колись, на фига тебе жижка из этой лужи? – Валетов заложил руки за спину и прохаживался перед задержанным, словно следователь.

Дед мотал бородою, продолжал шупать руками ноги.

– Ребята! Отпустите меня! Зачем я вам?

Резинкин, пошарив по карманам, достал собственные спички:

– Может, продолжим? – предложил он.

– Э, ты поосторожнее! – отшатнулся Простаков, будучи весь перемазанным в мазуте.

Дед глядел на солдат, его глаза наполнялись слезами.

– Ну ты чего, старик, растрогался-то? – улыбнулся Фрол. – Ты давай расскажи нам, что да как.

– Ах вы, сволочи! Маленькие ублюдки! Да кто вас понарожал таких? Ведь дедушка десять лет к этому озеру ездит, чтобы жить спокойно.

– Давай-давай, колись, старый!

– Да что ж вам дед Федот такого сделал? Аа-а!

Резинкин поднес спичку так близко, что сейчас, казалось, старик снова загорится.

– Ну что вы, что вы?! – дед сидел, щупал ноги и время от времени отмахивался от горячей спички. – Не имеете права!

Валетов неожиданно для старичка подошел с другого бока и снова поджег его. Дед вскрикнул, вскочил и побежал в поле.

Леха надулся: – Мне что, теперь его опять ловить? Пусть он горит, ну его на хрен!

Глядя на бегущего и орущего деда, Резинкин хлопнул Валетова по башке.

– Ну что – убил человека.

Фрол завыл:

– Ну поймите его! Вы чего встали? Я же не догоню этого старого пердуна!

– Как поджег, так и догоняй! – Леха улыбался, глядя на то, как старик бежит с горящими ногами по полю из стороны в сторону.

– Ну что же вы делаете, уроды?! – выл Валетов так жалостно, словно у него отобрали сладкую шоколадку. – Ну, повалите его на землю, потушите огонь-то!

– Мы и так все фуфайки изгадили, – плевал в сторону Леха.

Резинкин продолжал издеваться:

– Все, Фрол, посадят тебя! Мы тебе передачи будем носить. Хочешь, космическую кашу, а хочешь, ту же кашу, приправленную машинным маслом. Здорово? А кильку хочешь?

Дед пометался-пометался по полю, да прибежал обратно:

– Ну, тушите же! А-а-а! Не могу, жжет же! А-а-а-а!

Резинкин сжалился над пенсионером, повалил его на землю и затушил пламя.

– Ну что, – снова подошел «следователь», – будешь говорить, зачем тебе эта жижа нужна, или снова поджечь? – Фрол щелкнул пальцами, и Резинкин был уже наготове с новой горячей спичкой.

– Садисты вы! Вы хуже, чем гестапо! – отплевывался дед.

Леха, почесывая над бровями, разглядывал стойкого партизана:

– Слушай, мы сейчас, наверное, сходим по твоим доскам до озера, наберем там побольше дерьма, польем тебя хорошенько и подпалим. И никто тушить не будет.

«Следователь» подошел к огромному «палачу»:

– Ты чего! Он нам еще нужен – пока не скажет, убивать не будем.

Дед запустил грязные пальцы в собственную бороду и, сжав волосы в кулак, завыл:

– Да хрен с вами!!! Все равно же засыплете! Не дали дедушке наполнить резервуары, сволочи!

– Мы ни в чем не виноваты, ты на нас не наезжай, – Леха поднял старичка на ноги. – Куда тебе этот мазут?

– Ноги! Ноги! – выл дед. – Мне в больницу!

– Так садись, – Резинкин вежливо открыл перед дедушкой дверцу. – Езжай.

Дед уже повелся к своей машине, а Витек захлопнул перед его носом дверцу.

– Ты поедешь только после того, как нам расскажешь, что с этим мазутом делать.

Дед выл:

– Сынки, ножки больно!

Резина на дедушкину беду нарыл в карманах зажигалку. Валет выхватил ее и стал светить перед старым сморщенным носом выставленным на максимум фитилем.

– Как, будем говорить или продолжим готовиться под курочку-гриль? Тебя как, с корочкой зажарить или вроде как на пару изготовить, а, дедулька?

Фрол поднес огонек к лицу. Борода старого затрещала, он дергал головой из стороны в сторону. Вонь от нефтепродуктов перемешалась с запахом паленых волос.

– Ну что ж вы меня так мучаете?!

– Да тебя бы никто не мучил, – Леха пытался очиститься от следов мазута, но это было делом бесперспективным, так как старик выплеснул на него целое ведро.

– Вот если бы ты нам, дед, сожжением не угрожал, мы бы тебя, может быть, давно и отпустили бы, – Фрол глядел в маленькие хитрые глазки.

– Ну, ладно, ребята, ладно, ну, уже уговорили, ладно.

* * *

Троица в измызанной форме стояла в поле перед подполковником Стойлохряковым. Разглядывая обделанных подчиненных, он в то же время с интересом выслушивал болтовню Валетова, который утверждал, что дед, живущий в поселке Чернодырье, приезжает к озеру, набирает жижи и уже у себя во дворе перегоняет ее в топливо. Стойлохряков вопросительно поглядел на Мудрецкого, стоящего тут же, при этом он наморщился, так как ветерок подул ему в лицо и понес запах с солдат.

– Да мы же не в говне, товарищ подполковник! – резанул языком Валетов, но тут же поспешил прикусить этот порою вредный отросток, так как полкан поглядел на него, как на большущую вражину. Хотя он не мог быть большущей вражиной, он мог быть только маленьким, совсем маленьким таким гадом.

Тем временем Мудрецкий начал распространяться о том, что если нефть нагревать до определенных температур, то можно выделить и более легкие летучие фракции, которые, сконденсировавшись, действительно будут образовывать взрывоопасную смесь. Залив оную в бак, вполне вероятно завести двигатель.

– Да? – все больше интересовался Стойлохряков. – Это как самогонку гнать?..

– Совершенно верно, – подтвердил наученный в университете лейтенант, – все один к одному! Только изначально субстанция другая. Углеродородное сырье, так сказать.

У Простакова от этих всех рассказней уши вяли. Он не понимал, как это может быть. Какой-то водород вместе с углем вперемежку – в результате какая-то нефть... Чего только не нарасказывают умные люди. Не зря у Мудрецкого звание лейтенанта, он не просто так выбился в офицеры. Все же, видать, с головой дружит даже больше, чем Стойлохряков, и если останется в армии, то может стать генералиссимусом.

Комбат не знал, какое количество песка ему придется загрузить в пруд. Но он знал другое, что до тех пор, пока задание не будет выполнено, машины будут прибывать каждое утро и их придется все разгрести и делать, что называется, вокруг красиво. Если же из этого добра можно получать бензин, так он очень был бы не против сделать небольшой запас горючки. Чего тут делов-то? Сейчас химики подгонят свою сосальную машину, заберут тонны три-четыре, и, прямо как в Чечне, начнем гнать продукт.

Но Стойлохряков не первый день жил на свете и, прежде чем заняться какими-либо глобальными экспериментами, предложил Мудрецкому и заляпанным гражданам выяснить у старичка по прозвищу дед Федот все более подробно.

Найти местного Менделеева оказалось делом несложным. Дело в том, что он никуда не делся, обратился в местную больничку, где синим по белому в карточке резал глаз его адрес. Сестричка, выдававшая солдатикам данные, морщила все время свой прелестный носик, так как, несмотря на то, что бойцы сменили одежку, от них весьма и весьма разило.

С досады Резинкин, вспоминая миленькое личико девушки, нюхал сам себя, стоя на крыльце:

– Надо было в баню сходить.

– Да, – съязвил Валетов, – а то она на тебя не запала. Ален Делон ты наш, мать твою!

Домик деда Федота отличался от соседских ухоженностью, как видно, старичок много времени тратил на соблюдение порядка и не жалел сил на превращение собственного уголка обитания на грешной земле в некое подобие рая. Постучавшись в свежевыкрашенную темно-синюю металлическую калиточку, троица наконец добилась-таки того, что дедок выполз к ним навстречу. Причем обе ноги, выглядывавшие из-под черного хозяйственного халата, были перебинтованы и обуты в старые галоши.

– А-а-а! – Дед схватился за опаленную сегодняшней ночью бороду.

Лейтенант поспешил успокоить пенсионера:

– Не волнуйтесь, давайте забудем все наши распри! У меня к вам предложение от нашего командования.

Как выяснилось, старичка песок интересовал и даже очень. В обмен на полкузова он с готовностью поделился секретом изготовления горючей жидкости для двигателя собственного автомобиля путем перегонки имеющихся в озере отбросов.

Как оказалось, на протяжении десяти лет дед не тратился на горючку, так как мог спокойно подъехать к озеру и набрать в нем столько жижи, сколько надо. Затем перегнать все это дело и в конечном счете залить продукт в бак и кататься на здоровье. Кроме того, он умудрялся еще продавать бензинчик соседям, и те никогда не были в обиде на него. По странному стечению обстоятельств никто из Чернодырья больше не проявлял интереса к загаженному оврагу около вертолетного аэродрома, и, что называется, дед в этом вопросе был монополистом.

Лейтенанту очень быстро удалось убедить его в том, что лужа будет засыпана. Старик только вздыхал и пожимал плечами.

– Вот я поэтому, ребята, как увидел, что конец моей халяве, так решил бочку, что у меня на огороде, всю наполнить, чтобы впрок хватило. А бочка неплохая, у меня туда тонны четыре влезет. Я ее почти-почти добрал, вот еще бы три ночки съездил бы – и как раз бочка полная! А дальше закапывайте, что же делать. Только сразу скажу, отходов много. А если не приладишься, то ничего путного не получишь.

– Ну-ну, ну-ну, – успокаивал его солидно Юра. – Это все мы в книжках читаем.

– А книжки – дело нужное, еще как нужное, – соглашался с ним дед. – Без книжек я ничего бы никуда бы, а так у меня свое предприятие, можно сказать. Конечно, сырье дармовое. Ну а если бы нефть была, я бы разбогател. Видишь, даже с отходами и то как обращаюсь – в горючку превращаю! Только температуру надо выдерживать. Целая наука.

Дед недолго мялся и показал солдатам свою собственную установку по перегонке нефтяных отходов в горючку.

– Мало получается, – сетовал он, указывая на бочку, опутанную вольфрамовой нитью. – Вот греешь ее, а ведь надо, чтоб точно-точно жар держать, до полградуса! А до полградуса не выходит, потому как на улице в доме-то бабка ругается моя, если я начинаю коптить. Только свежий воздух ей нужен. А выдержать-то точно не удастся. Но мой «Москвич» все проглатывает!

– И какой же выход? – с интересом лейтенант смотрел на вьющийся змеевик, один конец которого был впаян в бочку, а другой – заправлен в узкое горлышко бутылки.

– Да ну как, – дед помялся. – Вот литр этой дряни зальешь, и с него только можно граммов сто бензина получить. Это ж все отработанное уже, никому не нужно. Это я уж так. Там ведь и вода, и мазут. В основном же все выпаривалось, так, по мелочи выходит. Дед, можно сказать, балуется.

– Это что получается, бочку столитровую ты набираешь, да? И с нее получаешь аккуратно десять литров?

– Да, все так! Вот дедушка сходит десять раз с двумя ведерками к озеру, сольет их к себе в багажничек, там у меня емкость уже приспособлена, приедет сюда, перельет – и через день у него двадцать литров бензинчика. А разве плохо? Я ведь на пенсии. Бизнеса с этого никакого, а для себя можно.

Лейтенант разглядывал градусник, торчащий из бочки, и дул губы:

– А куда ж остальное деваеть?

– Хе, – старик ухмыльнулся, – а для остального у меня печка. Если мне вот надо баньку стопить или дом зимой обогреть, думаешь, углем топлю или дровами? Не-ет, сынок, мазутом! И жил я, и не думал, что когда-нибудь закончится лужа-то моя...

Пока лейтенант выяснял, каким образом регулируется температура нагрева исходной смеси, Валетов и компания стояли, облокотившись на четырехкубовую бочку, и рассматривали ухоженный двор деда.

– А дед-то жирует, – глядя на розы, сообщил свое мнение Резинкин.

– Да, – Валетов достал сигарету, отобрал у Резины коробок спичек, чиркнул, закурил и лихо выбросил непотушенную спичку в бочку. – А чего ему не жировать? Он, видишь, кулак! Если он бензином торгует, то у него денег немерено.

– Да ну, – отмахнулся Простаков. – Какие тут с этого деньги?

– Да ты чего! – вытаращил глаза Валетов. – Он со своей установкой, наверное, сто литров в день гонит. Это круче, чем на самогоне.

– Сто литров, – не поверил Леха, – не может быть.

К солдатам пришаркал дед и следом за ним Мудрецкий.

– А вот, лейтенант, гляди. Вот это вот та самая бочка, в которой я мазут и храню.

Прежде чем Валетов позволил собственным глазам вылезти на лоб, он инстинктивно пригнул башку. Огромная ладонь просвистела у него над теменем и хлопнула по железке.

– Ты, придурок, мать твою! – заорал Резинкин, отскакивая от бочки.

– Что такое? – не понял лейтенант.

– Да он туда незатушенную спичку выкинул!!!

– А-а! – закричал дед и понесся прочь от возможного эпицентра взрыва.

– Да нет, это с тридцать секунд назад было, – успокаивал всех Фрол. – Не волнуйтесь, не волнуйтесь! Вон пускай здоровый посмотрит, там ведь ничего не горит.

Леха подчинился лейтенанту и проверил: спичка благополучно потухла в верхних слоях жидкости.

– Сделаем следующее, – сообщил Мудрецкий, когда вернулся старик. – Уменьшим температуру нагрева для того, чтобы получить более качественную смесь.

– Да нет, надо книжки почитать вначале, – запротестовал старик.

– Ничего, все будет нормально, – успокоил лейтенант. – Получим не сто граммов с литра, а пятьдесят, но качественного. Это я уверяю. Я все точно помню.

Дед хотел было спорить с молодым, но в конечном счете решил подчиниться. Перспектива получить более качественный бензин, который, по заверению лейтенанта, мог подойти не только для его четырехста восьмого «Москвича», но и для современных иномарок и за который можно было бы получать неплохие деньги, очень даже его обрадовала, так как его обещали привлечь к перегонке всего имеющегося озера. У Стойлохрякова в голове уже роились грандиозные планы.

Об иномарках Мудрецкий думал во вполне конкретном направлении. Если он полученной смесью заправит «Ауди» подполковника, и та поедет, то это будет просто замечательно. Ему, может быть, премию денежную дадут за находчивость!

После разговоров перешли к делу. И уже к трем часам дня было получено пять литров отличного, по понятиям лейтенанта, бензина, который можно было бы заливать в любой движок, и он потянет – сто пудов!

– Ну что, дед, попробуем? – размахивая в воздухе пластиковыми бутылками с горючкой, интересовался у деда Федота Мудрецкий.

Хозяин сунул брови, выставя себя непонимающим:

– Это как это?

– А вон сейчас у тебя «Москвич» стоит, – продолжал мягкую атаку лейтенант. – Посмотрим, как она – справляется или нет.

– Ты чего? Все кольца, клапана мне пожжешь! – начал возникать старей.

Но Юре удалось убедить деда в том, что с одной-двух минут работы ничего с его машиной не случится. Зато потом – горы песка и еще несколько десятков литров горючки! Разве это плохо? Старик мялся, но в конечном счете позволил залить в машину только что полученный продукт.

Раза с третьего некогда гордость российского автомобилестроения завелась и, тихонько урча, стояла во дворе.

– Ну что, может прокатимся? – тер ладони лейтенант, открывая двери. – Мужики, прыгайте!

– Э, да вы чего, да вы куда?!

– Так надо же проверить, – не отставал лейтенант.

– Ладно, тогда я за руль сяду. – Дед выгнал Резинкина с места водителя. – Все же моя машина!

Витьку пришлось открывать ворота. Газанув легонько, дед взвизгнул от удовольствия:

– О как прет! Ну ты подумай! Лейтенант, ты прав, пусть больше в отходы уходит, зато какой бензин, а!

Ворота были закрыты, и все нефтяники расселись по местам.

– Ну, сейчас рванем! Дед, давай!

И дед дал. Включил первую, затем вторую, машина легко разогналась, и старик стал даже немножко нервничать:

– Ох, смотри как тянет! Прямо вот чувствуешь, как мотор из-под капота вырывается! Это же сколько дури?! О как! – У старика горели глаза. – Машина как заново родилась!

– Так что, может, на трассу выйдем? – подначивал лейтенант, которому ради спортивного интереса хотелось узнать, сколько же из этого четырехста восьмого можно выжать спустя тридцать пять лет после его дня рождения.

Машина ревя вышла на трассу. Пятидесятисильный движок показывал чудеса. Несмотря на то что кабина была забита мужиками, машинюшка шла довольно резво.

– Давай, дедуль, туда-сюда пару километров для пацанов!

Пассажиры пооткрывали стекла, расселись поудобнее, расслабились в машине. Дед, довольный полученным продуктом и слаженной работой двигателя, легко вошел в горку и пошел вниз.

– О-о! – Машина разогналась до восьмидесяти километров, и дед покрепче сжал баранку и начал притормаживать.

– Да ладно, – толкнул его в плечо лейтенант. – Давай посмотрим, до ста дойдет или нет под горку-то. Чего бояться?

И они посмотрели. Машина разогналась до сотни, гора к этому времени как раз закончилась, началось пологое плато, по которому ровненько-ровненько бежала асфальтовая ленточка. Машина шла девяносто пять – девяносто, потихонечку начала снижать скорость, но, не желая уменьшать удовольствия, дед взял да и вдавил акселератор вниз до отказа.

Раздался грохот и скрежет. Двигатель вместе с передними колесами покинул капот и начал существовать в пространстве отдельно от металлического кузова. Разогнавшись, силовой блок унесся вперед, оставляя скрежетать основную часть кузова по асфальту и заставляя перепуганных пассажиров схватиться друг за друга или же за приборную панель.

Дед продолжал сжимать в руках баранку, глядя через лобовое стекло, как с грохотом уносится вперед его двигатель и передняя пара колес. Удалившись от автомобиля метров на тридцать, агрегат взорвался в воздухе, после чего колеса пролетели метров двадцать и скрылись в посадках, оставив позади себя в воздухе дымовой шлейф от паленой резины.

Дед Федот с открытым ртом от увиденного и мокрыми штанами от страха испытывал в глубине души противоречивые чувства: с одной стороны, как и всякий мужик до конца дней своих остающийся где-то пацаном, он был «приколот» тем, что случилось с его машиной. Рвануло здорово, да и колеса весело улетели! Никогда не знаешь, какой конец тебя ждет. Он с тоской провел рукой по приборной панели и глядел вдаль, туда, где на обочине дороги лежал раскуроченный двигатель.

Первым опомнился Валетов, услышав тихое журчание:

– Из бака течет, мать вашу! – воскликнул он.

Народ предпринял срочную эвакуацию. Как только здорового Простакова смогли выщарапать с заднего сиденья и свалить его на обочину, раздался взрыв. Осколки взвизгнули в воздухе и разлетелись в стороны, к счастью, никого не задев.

Фрол поднял голову. Раскуроченный остов – вся память от четыреста восьмого «Москвича».

Дед Федот, потрясенный тем, что случилось с его машиной, после второго взрыва сидел и тихонько плакал, а заботливый Валетов, вытащив постиранный кусок простынки, используемый им как платочек, промокал деду слезы. Но он не успевал за ручьем чувств, и очень многие капельки скрывались в паленой густой и седой бородине.

* * *

Доложив Стойлохрякову о результатах проведенного эксперимента один к одному, точно так, как это и случилось, Мудрецкий не забыл упомянуть о моральной травме владельца автомобиля, но комбата никак не проняло данное замечание.

– Он в течение десяти лет нашу Родину-мать обворовывал, – сообщил собственные мысли начальник, – и нечего старичка жалеть. Другое дело, что вы все живы остались, вот здесь вы молодцы! Никаких к вам замечаний. Лейтенант, отправляйтесь обратно на объект, будем засыпать озеро на хрен. Не дай бог, еще какой-нибудь умник вроде вас найдется и перегонит там из говна в золото продукты. Как вы там говорили... углеводороды? Нет, Мудрецкий, никаких родов нам не надо! Все убрать к чертовой матери, чтоб чисто было! А старику, пусть не переживает, отвезите машину песка. Главное, чтоб все тихо было и никаких жалоб.

– Да, товарищ подполковник, – согласился Юра, – главное, чтоб он не жаловался. Ведь это ж я гнал-то. Он только смотрел.

– Талант у тебя, лейтенант. Пора тебе еще одну звездочку на погон пристраивать.

– Неужели! – встрепенулся Мудрецкий.

– Иди-иди, вот как озеро засыпешь, так и о звездочке поплотнее покумекаем.

Счастливый Мудрецкий вылетел от подполковника, и чувства переполняли его. Он знал, что на второй год службы многие лейтенанты становятся старлеями, но как-то не думал, что это может коснуться и его. Здорово! Пришел лейтенантом, уйдешь старшим лейтенантом. А может, удастся и до капитана дослужиться за два года-то. Но тут Мудрецкий был не прав, он и сам знал о том, что получить еще одну звездочку за два года просто невозможно!

* * *

С ликвидацией нефтяного болота было покончено за три недели, и причем малой кровью – стелили деревянные настилы, спасибо за идею деду Федоту, по которым машины подходили к «воде» и сбрасывали туда песок. Оставалось лишь переключать доски и помогать водителям точно въезжать на настил.

Изредка появлялся дед Федот, смотрел на то, как закапывается любимое в его жизни озеро, потом шел к Мудрецкому и, несмотря на то что тот практически похоронил его «Москвич», здоровался. Курили в стороне от работ сигаретки, и всякий раз Федот пытался начать разговор о как бы причитающейся ему денежной компенсации со стороны лейтенанта за утраченный автомобиль. Но Юра был не промах и, философски рассуждая о жизни, уводил течение разговора в сторону. Так на протяжении всех работ деду и не удалось выжать из лейтенанта ни гроша. А вот наливать Мудрецкий деду наливал, благо тот теперь безлошадный. Так что если в пути до хаты и собьют кого, то большого ЧП не выйдет. Тело у деда мягче, чем его «Москвич», хоть и не намного.

К концу третьей недели Федот уже приходил не для того, чтобы поклянчить денег, а просто ради выпивки, и лейтенанта это вполне устраивало. Он поил старичка и порою слушал его разговоры о том, как тот строил Куйбышев, бывшую и нынешнюю Самару, так как много-много лет назад был прорабом.

Дед подстриг паленую бороду, и теперь она аккуратно окаймляла его широкое лицо – выглядеть он стал лет на десять моложе. А после того уж, как напивался, душа его уносилась обратно лет на шестьдесят, и лейтенанту казалось, что рядом с ним его ровесник.

Закончив с экологической катастрофой, весь взвод вернулся обратно в казарму и был рад-радешенек принять телом и душой баньку. Смыть с себя запах бензина, солянки, масел и мазута.

* * *

Следующим утром злой Стойлохряков вызвал к себе дембеля Петрушевского и Резину. Оба механика-водителя не догадывались, что же им предстоит, и поэтому влегкую нервничали. Езда в дальние края после трехнедельного пребывания на вонючем воздухе в кайф не катила.

В кабинете у Стойлохрякова уже сидели майор Холодец и взводник Мудрецкий. Стойлохряков выслушал доклад о прибытии и позволил обоим водителям сесть за стол. Поглядев на своих подчиненных, он сообщил следующее:

– Как вы знаете, к нам едут из НАТО.

О визите иностранцев солдаты были наслышаны и не удивлялись тому, что в части ведется интенсивная подготовка, то бишь территория приводится в состояние музея. Все французские Людовики с ихними фонтанами и луврами отдыхают. По сравнению с территорией отдельного мотострелкового батальона ихние сады – загаженный свалкой пустырь.

– Наши генералы-затейники, мать их, – произнес первую фразу комбат и поглядел на грустного Холодца.

– Да они вообще без матерей, – согласился майор.

– Так вот, – Стойлохряков глядел то на одного водителя, то на другого, – у меня к вам вопрос. Может быть, вы мне сразу на него и ответите. Кто из вас лучший?

Петрушевский сделал шаг вперед, приложил руку к кепке и звонко и четко доложил, что таковым является только он и он один.

Для Резинкина служба не прошла даром, и чего-чего, а борзеть он тут уже научился прилично. Поэтому, не дожидаясь, пока Петрусь закончит восхвалять себя во всех красках, также шагнул и сказал, мол, сомневаюсь в правоте младшего сержанта Петрушевского.

Столь наглый поступок был отчасти продуман, так как за Петрусем не было никакой силы. Хоть он и был дембелем, уважаемым человеком, тем не менее поспорить с ним было вполне возможно.

Комбат залоснился от удовольствия. Профессиональная гордость – это хорошо.

– Ну что ж, товарищи бойцы, придется вам доказывать собственную правоту на глазах у всего взвода. Лейтенант, после завтрака сажаете людей в грузовик и все дружною толпою отправляемся в парк.

Резинкин, лопая в столовой овсянку, уже представлял, что им с Петрусем предстоит выдержать какой-то экзамен на профпригодность, но что конкретно придумал комбат, никто не мог заранее сказать.

Прибыв на место и рассевшись в тени караулки, химики лениво позевывали, переваривая кашку с чайком. В то время как основная масса балдела, рядом с машинными боксами происходили следующие события. Подполковник показал на рядок стоящих БТРов:

– Ну что, ребята, – обратился он к водителям, – новенькие я вам не дам, а вот из «шестидесятых» можете себе выбрать по коню.

Резинкин был не дурак, но и Петрушевский от него не отставал – оба знали состояние бронеекспонатов и одновременно показали пальцами на «двадцать шестую».

– Но, – зачесал за ухом комбат, который тоже прекрасно знал состояние вверенной ему техники. – Не жирно будет? Эта хорошая еще. Вот ты, – он ткнул Резинкина, – возьмишь вот этот, а ты вон тот.

У обоих опустились руки.

– Что, мы их починить должны? – не понял Резинкин. – Так они на ходу, товарищ подполковник.

– Нет, ребята, мне нужен водитель классный, чтобы с натовцами биться за главный приз. Поэтому даю вам три дня на подготовку техники, для того чтобы ровно в это же время мы смогли с вами выяснить, кто же лучший. И не где-нибудь, а на танковом полигоне. Я уже обо всем договорился. Бейте взвод на две половины и выгоняйте технику, и пусть все помогают вам в отладке и подгонке. Найдете прапорщика Евздрихина, скажете ему, что я не велел скупиться на ЗИП, все должно быть подготовлено в лучшем виде. Тот, кто выиграет, тот и будет отстаивать честь Российской армии. Это не шутка.

Оставив Мудрецкого лупить глазами, а водителей стоять с подогнутыми коленками от такого финта, комбат широкими шагами стал удаляться к воротам парка, где оставил собственную «Ауди».

Узнав о намечающемся соревновании, Простаков от предвкушения интереснейшего в его жизни события – гонок БТРов на танковом полигоне, встряхнул в сердцах Валетова так, что из того едва не выпала душонка. Успокоившись, гигант подошел и вдарил кулаком в грудь Резинкину, вызвав временную остановку дыхания.

– Ну, Витек, мужайся! – Он трепал его словно щенка. – Мы тебе поможем, ежели надо чего куда раскидать. Да, Фрол?

Фрол приводил свое здоровье в порядок после оказанного ему персоне внимания и согласно кивал головой хватаящему воздух Резинкину.

– Ничего, пацаны, нам ли с вами кататься и писаться! Все сделаем. Петрусю надо уделить в обязательном порядке!

Тем временем, пока в стане Резинкина проходил митинг, Петрусь, собрав вокруг себя практически всех духов взвода, развернул настоящую подготовительную работу. Около отданного ему комбатом БТРа кружилась уже его команда и разбирала машину на части. За Евздри-

хиным был послан шустрый солдатик, который обнаружил прапорщика через двадцать минут спящим в одной из кабин в соседних боксах и наконец привел усатого «таракана» на место событий.

Глядя на то, как химики – у них что-то, видимо, с башкой приключилось – начали раскидывать на запчасти два старых БТРа, Евздрихин хотел было бежать и докладывать начальству о происходящей в парке вакханалии, но ему быстренько объяснили суть дела, и, поняв идею своего командира, прапорщик с готовностью предложил будущим гонщикам не только ЗИП, но еще и собственные запасы: тот же ЗИП, только отложенный в сторонку до лучших времен. Похоже, сейчас они и наступили. Что бы с ним сделал подполковник, если бы у него не было запасных колечек или клапанов? Он бы с него за все спросил. А так мудрый прапорщик в хорошие времена полуспер необходимый материал и, ожидая вот именно такого приказа, держал его на протяжении полутора десятков лет в строго отведенном для этого им же самим месте.

После обеда уставший от собственного энтузиазма Фрол заявил Резинкину о своей невозможности продолжать физически помогать его команде, так как он устал и должен некоторое время побыть в горизонтальном положении или на крайний случай остаться наедине с самим собой под сенью какого-нибудь деревца для медитации. Простаков, не скрывая эмоций, пару раз взмахнул безуспешно руками, так и не прибив мелкую сошку, а затем высказал ему нехорошие, матерные слова. Но Валетов пропустил недовольство мимо ушей и нагло сообщил, что отправляется на поиски лейтенанта Мудрецкого.

Дальше караулки в парке Юра не уходил, так как его подчиненные пока еще всю курочили машины, соблюдая, впрочем, строгий армейский порядок при раскладывании деталей на тряпочки.

Выслушав сообщение Фрола о том, что у того заболел живот, Юра с пониманием отпустил бойца, заранее зная основную причину нежелания рядового Валетова продолжать возиться в парке. Собственная лень была тому виной. Но кто же упрекнет маленького, немощного мальчика, какими-то невероятными путями попавшего в армию и до конца дней его службы старающегося уклониться от какой-либо работы?

Оплеванный и проклятый всеми, Валетов топал не обратно в казарму, а напрямую, в поселок. Рискуя нарваться на патруля и попасть на губу, где с ним разбирались бы в дальнейшем Мудрецкий, Холодец, а может быть, и сам Стойлохряков, Фрол нарезал по Чернодырью в строго определенном направлении.

Дед Федот, увидев перед собой мелкого бойца, того самого, который первым прочухал, что из баков льется бензин и сейчас вот-вот рванет, с превеликим удовольствием впустил нежданного гостя внутрь.

Вся беда Валетова, а может быть, и его неосознанное счастье заключались в великой способности улавливать суть происходящего. Он тоже шурупил и по-своему хотел помочь Резинкину. Но что он мог сделать? Сидеть и перебирать двигатель, регулировать всякие там зазоры – это не для него. Он пойдет куда более радикальными путями. Он очень даже надеется принести победу своему товарищу. И пусть пока его персону в опале и его не понимают, но идеи, зародившиеся в голове, имеют право на существование и на то, чтобы их опробовать.

* * *

За отведенное комбатом время старенькие БТРы были приведены в идеальное состояние: обе машины заводились с полоборота, а обновленные и отрегулированные мотористами двигатели показывали чудеса выдаваемой мощности. Сделав пару кругов вокруг боксов, Петрушевский вылез из броника и уничижительным взглядом смерил стоящего в тенечке Резинкина, ждущего возможности прокатиться на своем «коне».

В ночь, накануне перед соревнованиями, машины были поставлены в боксы, замки опечатаны, и в караул пошли безразличные к происходящему солдаты из второй роты. Ночью Валетов растолкал здорового Леху и вытащил того в туалет. Все важные разговоры в армии происходят в сортире, на единственной территории, где возможно неформальное общение. Не всегда это общение заканчивается лишь моральными травмами, но сейчас был не тот случай.

Выслушав мелкого, Простаков осознал степень изворотливости крохотного, но дальновидного мозга, но в то же время понятия чести и честности не давали Лехе двинуться с места. Наконец красноречие Валетова взяло верх над сомнениями «гулливера», и парочка под покровом темноты удалилась в парк.

Резину трогать не стали, пусть парень отдохнет перед гонкой, подготовится, накопит сил и сделает этого козла Петрушевского, несмотря на то что тот дольше прослужил. Дембель дембелем, а дедушка Резинкин должен доказать собственное превосходство. Ведь друзья знали, что он на самом деле классный водила и грех ему не помочь взойти на Олимп.

Утром следующего дня был совершен небольшой переезд в маршевом порядке на танковый полигон, где двадцатая машина Петрушевского и двадцать вторая Резинкина заняли исходные позиции. На обе машины было приятно смотреть, и Стойлохряков уже подумывал о том, чтобы отменить соревнования и поставить обе отделанные и заново покрашенные тачки обратно на свое место – теперь-то можно быть уверенным на сто процентов, что машины находятся в прекрасном рабочем состоянии. Но, с другой стороны, он не мог не отобрать одного-единственного классного водителя. Ведь если он обосрется перед натовцами, то никакие оправдания ему не помогут в дальнейшем при разборе полетов с многозвездными генералами.

Валетов с Простаковым забрались на небольшой пригорок, с которого прекрасно был виден весь танковый полигон, испещренный многочисленными раскрашенными черно-желтыми вешками, пригорками, ямами с никогда не высыхающими лужами, а также трассами зигзагом с весьма сложными поворотами.

До старта оставалось не больше пяти минут. Витек подошел к друзьям, получил от каждого из них по легкому удару в челюсть, для того чтобы в мозгах не было тумана, и, выслушав пожелания об удаче, направился к машине.

– Смотри не перепутай БТРы-то! – забеспокоился Валетов.

Резинкин в ответ лишь рассмеялся. Простаков пробурчал себе под нос:

– Ничего веселого я не вижу.

– Итак, – встрепенулся Валетов. – Доброе утро, дорогие друзья, мы находимся с вами на танковом полигоне в Самарской области, где через несколько минут начнутся захватывающие соревнования на военной технике.

Простаков отвесил затрепину мелкому, но тот ткнул ему в бок небольшим отрезком трубы, которую начал носить с собой с недавних пор, чтобы проткнуть здорового за его расхлябанные повадки, и после того как Леха болезненно ойкнул, мелкий заявил ему, чтобы тот не мешал, а лучше бы наслаждался репортажем.

Отодвинувшись на пару шагов от Лехи, для того чтобы исключить мгновенное попадание здоровенной руки по собственному затылку, Фрол продолжил:

– Итак, летний месяц на дворе, солнце светит в левый глаз, с правой стороны от нас стоит командование части. Мы видим самого комбата Стойлохрякова, его помощника Холодца, а также некоторое количество более мелких офицеров, чьи фамилии никакого интереса для нас не представляют. Также по правую руку от меня, но несколько ниже, стоят два БТРа с номерами двадцать и двадцать два. Первым управляет младший сержант Петрушевский, вторым – ефрейтор Резинкин. Сейчас им предстоит выяснить, кто же из них... – Фрол хлопнул себя по шее, – извините, комар... Так кто же из них лучший в Российской армии? Победителю предстоит отстаивать честь нашего государства примерно в точно таком же заезде с вероятными, простите, бывшими вероятными противниками...

Резинкин, четко ощущая дрожь в коленках, заставил себя залезть на место водителя и устроиться как можно удобнее в железном «гробу». Коварный Стойлохряков первым этапом соревнований сделал тест на вождение.

Необходимо было, управляя многотонной машиной, проехать точно между двумя вешками, зазор между которыми был всего на двадцать сантиметров больше, чем габариты БТРа. Причем оценивалась не только точность въезда в эти виртуальные ворота, но также и скорость прохождения. Всего таких препятствий было четыре. Кто первый, тот получает пять секунд времени преимущества перед своим противником во время основной гонки.

Следующим испытанием был въезд на горку с дальнейшим спуском. Машиной надо было управлять так, чтобы она не просто скатывалась вниз, а одновременно объезжала расставленные коварным образом вешки. Витек уже видел, как там его товарищи бойцы понавтыкали колышков под четким руководством самого подполковника, и понимал, что не сбить хотя бы одну из них невозможно.

Третьим испытанием на технику вождения был заезд на эстакаду. Сложность данного мероприятия и вполне реальный риск свалиться заключался в отсутствии какой-либо помощи извне – никто не мог подсказать, левее держать или правее, хоть ставь машину на тормоз, сам вылазь и смотри, как ты начал движение. Именно таким образом Витек и планировал поступить по ходу соревнований.

Кое-как сжав колени вместе, Резинкин пытался успокоиться. Чего он дергается? Какая фигня. Ну проиграет он Петрусь, ну и ради бога. Пусть тот потом еще с гостями тут трахается. Неужели он должен из-за такой мелочи покрываться сединой?

Как только он переключился на собственное здоровье, незаметно-незаметно Витьку удалось успокоиться за пятнадцать секунд перед тем, как лейтенант Мудрецкий, стоя между машинами, взмахнул вверх рукой – команда запуска двигателей.

Обе машины одновременно завелись. Первым по жребью предстояло аккуратненько въехать в четыре пары вешек именно Резинкину.

– ... и вот наши монстры на старте! Моя комментаторская позиция находится недалеко от машин, и явно слышен рокот работающих двигателей. Двадцать вторая плавно взяла с места и подъехала к изначальному рубежу. Лейтенант нажал на секундомер и дал отмашку. БТР рванул с места и прошел первую пару стремительно, не задев корпусом ни одну из вешек, далее поворот – и очередная пара пройдена. Затем необходимо развернуться на сто восемьдесят градусов и пройти еще через одну пару вешек.

Резинкин чувствовал, что у него должно все получиться, и ощущения не подвели его – механик-водитель уложился в тридцать четыре секунды.

«Комментатор», от возбуждения взобравшись на плечи Простакова, размахивал руками и орал от восторга:

– Да вы посмотрите на этого парня! Он же красавец! Настоящий джигит!

Петрусь видел, как резво его соперник разделался с первым препятствием, и почувствовал в себе толику неуверенности. Но, как только сорвался с места, уловил, что его машина прет недуром и разгоняется очень быстро.

«Вот это я с движком поковырялся!» – похвалил сам себя младший сержант, влетая в первые ворота, – вешки остались девственно нетронутыми. Пролетев и вторые, он развернул машину и закончил упражнение за тридцать две секунды.

Лейтенант подошел и доложил о результатах испытаний комбату. «Комментатор» скинул кепку и рвал на голове миллиметровые волосы:

– Да как же это могло быть?! Судья явно сегодня на стороне водителя двадцатой машины. Мы оставляем за собой право сомневаться в непредвзятом судействе! Далее нас ждет второе испытание: спуск с горы, причем не простой, а фигурный, эдакий фристайл на БТРах.

Петрушевский уехал вперед, а Резина остался сидеть в своей машине под горой, на которую еще нужно было въехать для начала выполнения упражнения. Он не видел, как сейчас спускается по противоположному склону на своей машине младший сержант, но, так как первый конкурс он уже проиграл, в душонку потихоньку начали закрадываться сомнения по поводу положительного для него исхода всех испытаний.

Увидев двадцатый БТР, который поехал на исходную, Резинкин поглядел на показавшегося на горюшке лейтенанта, который разрешил ему приступить к выполнению упражнения. Машина должна была спускаться таким образом, что и комбат, и «комментатор», сидящий на Простакове, могли видеть весь процесс движения по очень крутому склону. Заехав на вершину, Витек поглядел в щели и увидел, что ни одна из вешек не помята.

«Неужели он через все прошел?!» – Витя собрался и начал потихонечку спускаться вниз.

Время было пушено, и приходилось выбирать между штрафными десятью секундами за каждую задетую вешку и скоростью спуска. Можно просто скатиться за десять секунд, получить еще сорок штрафных – итого всего в пятьдесят уложишься. А это наверняка проигрыш. Больно уж у Петруся все ловко получилось.

Витек старался изо всех сил, засунув между зубами язык и время от времени прикусывая его. Но он не замечал от великого энтузиазма, что причиняет своему собственному телу какие-либо болезненные ощущения.

Как ни старался Резина, а одну вешку он все-таки задел. Как и предполагал, черт!

«Комментатор» уже рвал волосы не на собственной голове, а на голове Простакова:

– Вы поглядите, уважаемые зрители, насколько сегодня не везет водителю ефрейтору Резинкину! Несмотря на большое количество болельщиков, собравшихся поддержать его, он не в состоянии в этот прекрасный, солнечный, летний день одарить всех нас победой в престижном ралли. Можно сказать, здесь проходит финал чемпионата России среди военных водителей. Дальше только международные соревнования.

Обосравшись во второй раз, Резинкин поник головой. Оставалось только одно-единственное испытание – самое опасное, на котором можно было не только машину угробить, но и самому покалечиться. Въезд на высокую эстакаду – рискованное занятие. Слабонервных просим удалиться.

Витек решил для себя, что по фигу ему, какое время в результате он затратит, но из машины обязательно высунется и посмотрит, как встали колеса на узкие металлические направляющие. Чуть влево, чуть вправо – и Стойлохряков покроет его могилу не цветами, а отборной матерщиной!

Снова Витьку начинать. После отмашки Мудрецкого Резинкин потихонечку подъехал к эстакаде и, как и запланировал, вылез и поглядел на то, как встали колеса.

– Умно, – похвалил Стойлохряков ефрейтора.

Холодец поспешил согласиться:

– Осторожность, она, конечно, в жизни вещь нужная. Без нее как-то можно не слишком командовать – башка-то треснет.

– Вот-вот, – согласился комбат. – Ну ты погляди, а?

Резинкин, убедившись, что все у него получилось ладно, заехал на эстакаду и, постояв там с секунду, скатился с другой стороны.

Упражнение оказалось выполненным за минуту. Петрушевский, наблюдая за тем, как Резина вылезал из машины, сидя на своем месте, не смеялся и не плакал, он был настолько перепуган предстоящим ему испытанием, что чувствовал, как задница намокает от пота.

Мудрецкий дал старт, и двадцатая понеслась вперед. Подъехав к эстакаде, Петрусь так же хотел притормозить и вылезти поглядеть на то, как у него получилось прицелиться, но машину почему-то сегодня несло выше всяких похвал и, зажмурив глаза, младший сержант влетел на эстакаду и скатился с другой стороны. На все про все у него ушло двадцать секунд.

«Комментатор» подъехал, сидя на Простакове, к прапорщику Евздрихину и стал драть того за волосы, но был отогнан с матюками, после чего ему оставалось возмущаться сущим невезением, свалившимся сегодня на ефрейтора Резинкина.

Пятнадцать секунд преимущества по итогам трех упражнений в гонке, казалось, должны были лишить его всякой возможности выиграть в такой светлый и такой черный день для Резинкина и его друзей. По правилам проведения соревнования никакого отдыха водителям не полагалось – они оба заняли начальные позиции на старте. Теперь двум машинам предстояло прошуровать по танковому полигону три круга, причем трасса изобиловала крутыми поворотами, оставляя возможность для обхода и маневра – комбат постарался лично.

– А не боитесь, Петр Валерьевич, – егозил Холодец, – покалечить технику?

– А, фигня! Ее через полгода списывать. Я ведь не просто так это все устроил, мне нужен один, самый лучший! Давай смотреть.

Мудрецкий запустил обе машины, и те, сорвавшись с места, обдали лейтенанта комьями грязи, которые замарали не только его форму, но и физиономию. Отлепив с глаз комки, Мудрецкий поднялся повыше на холмик, к офицерам, желая пронаблюдать всю картину состязаний.

Броня под управлением Петрушевского с места ушла намного резвее и сразу же захватила лидерство. Резинкин старался вовсю, но он не мог настигнуть своего противника – двигатели явно работали слабее. Он не понимал в чем дело, а в это время Петрушевский с каждой секундой удалялся от него все дальше и дальше.

После первого круга расстояние между машинами было уже около двадцати метров в пользу Петрушевского, а Резине надо еще отыграть пятнадцать секунд. Он не сможет, не успеет.

«Комментатор» слез с Простакова, достал обрезок стальной трубы, зажал его в руке и начал бить по Лехе со всей силы:

– Ну что же это происходит, дорогие друзья! Наш фаворит в гонке не показывает абсолютно ничего! – Маленькая ручонка молотила отрезком трубы от досады в живот здоровенному сослуживцу. – Ну что же это такое, граждане?! Мы не можем позволить опуститься на свою голову такому позору!

После второго круга Петрушевский оторвался от Резины уже на сорок метров. Оставался третий километровый отрезок, но уже ни у кого не возникало сомнения, что младший сержант выигрывает, первым придет к финишу и, скорее всего, кроме похвалы от комбата, получит очередное воинское звание.

На третьем круге, лихо преодолев последний поворот, Петрушевский несся к финишу. И, желая показать высокий результат, который в обязательном порядке будет им же запомнен на всю оставшуюся жизнь и о чем он будет рассказывать своим внукам и правнукам, Петрусь заставил двигатель работать до отказа и, финишируя, набрал скорость больше той, что была у него на спидометре обозначена как максимальная.

«Комментатор» утыкал всю башню железным обрубок и кричал в исступлении:

– Вот посмотрите на блестящий финиш победителя, мать его за ногу!

– Да катись он ко всем чертям! – присоединился Простаков.

Двадцатый несся к финишу на всех парах.

Неожиданно сзади машины взметнулось пламя, Петрушевского невиданное ускорение вдавило в спинку сидения, и БТР за считанные секунды набрал скорость больше ста тридцати километров в час. Затем взревели основные двигатели, и машину понесло. Из глушителей вырывалось пламя длиной в пару метров.

Комбат смотрел на ускорение новой ракеты с колесами, вытаращив глаза. Фрол радостно визжал, как ошастливленный покупкой новой дорогой игрушки ребенок. Двадцатый пронесся мимо финиша и врезался в лесопосадки, продолжая извергать из себя пламя.

Углубившись в рощицу, машина оставляла за собой просеку. Двигатели работали во всю мощь, и, так как глушители были разворочены, над полигоном стоял настоящий рокот стартовой ракеты-носителя типа «Протон».

– Получилось, получилось!!! – визжал «комментатор», в то время как раздался взрыв, и над лесом взметнулся небольшой такой грибок, похожий на ядерный.

– Вот это да!

Из толщи пыли и дыма вылетело тело механика-водителя. Поднявшись на высоту около ста пятидесяти метров, оно начало стремительно падать вниз прямо на офицеров. Дураков не было. Люди бросились врассыпную, только один комбат стоял и смотрел на то, как к его ногам падает его же солдат.

В воздухе мелькнула белая материя, и вот купол парашюта раскрылся почти у самой земли. Петрушевский приземлился прямо перед подполковником и моргал глазами, не зная, что ему теперь делать.

– Машина потеряла управление, товарищ подполковник. Пришлось катапультироваться.

Резинкин вылез из своей тачки, подошел к комбату и доложил:

– Товарищ подполковник, упражнение выполнено.

Стойлохряков глядел на бойцов.

– Так, поскольку младший сержант Петрушевский не смог отладить работу двигателей, он дисквалифицируется. Автоматически победителем становится ефрейтор, а теперь уже, видимо, также младший сержант Резинкин.

Фрол закричал: «Ура!» и поглядел на согнувшегося пополам Простакова.

– Леха, Леха, что с тобой? Мы же выиграли! Чего, живот? С животом что-то?

– Я тебя, мелкий, сегодня вечером тоже потыкаю, только не трубой, а кое-чем другим.

– Изнасиловать хочешь маленького?! – воскликнул Фрол и отпрыгнул в сторону.

– Да не бойсь, – улыбался Простаков, разгибаясь. – Я ж тихонько, – и протянул к мелкому огромные лапы.

Но тот вырвался и отбежал в сторону:

– Отойди от меня, здоровая туша!

– Да чего ты боишься-то? Жик-жик, ничего страшного же.

– Жик-жик, шик-шик, – огрызался Валетов, продолжая отступать. – Товарищ подполковник! – наконец воскликнул он, когда Простаков схватил его. – Помогите! Меня тут в женщину превратить хотят!

Стойлохряков посмотрел на обнимающуюся парочку:

– Валетов, что ты переживаешь? Ты сегодня и так здорово покуражился – орал целый час. Теперь дай другим покуражиться. Младший сержант Простаков!

– Я! – выкрикнул Леха.

– Можете делать с рядовым Валетовым все, что вам заблагорассудится.

– Да? – задумался здоровый. – Тогда, товарищ подполковник, пусть он в казарме полы помоеет сегодня.

– Это жестоко! – воскликнул Валетов.

– Тогда в женщину превращу, – насупился Леха.

– Ну ладно, полы так полы... – всхлипнул Фрол. – Резина, а клево ты сегодня победил, да? К Витьку из кустов выбежал дед Федот, утирая на бегу слезы:

– Молодец, солдатик! Все как прошло! Недаром мой «Москвич»-то пострадал, я ж видел твой финиш! Как ты спасся-то? Ну главное ж двигатель, двигатель как работал! Ведь выиграл!

Резинкин засмутился:

– Дедуль, да ты чего-то путаешь, другой победил. Просто не повезло, у него машина в конце концов взорвалась.

– Так вот и мой «Москвич» взорвался! Ну ведь это не главное, главное – победа! – Дед радовался, обнимал Резинкина. Потом перешел к объятиям самого Стойлохрякова.

Подполковник начал шевелить мозгами:

– Постойте, я чего-то не понимаю. Какой «Москвич» взорвался?

Дед был счастлив за Резинкина и игнорировал все вопросы со стороны красного командира.

– Витек, ты молодец! Скажи Фролу спасибо, классная у нас с ним горючка вышла! А мы все делали, как ваш лейтенант говорил. Пусть больше отходов, зато какое топливо, а! А у меня там на участке-то еще с полбочки осталось. Может, еще чего заправим?!

Стойлохряков прочухал в чем дело, а в это время Резинкин стоял, повесив нос, и поглядывал в сторону Валетова, продолжавшего вырываться из крепких объятий потенциального насильника.

– Ты погоди, дед, – комбат в качестве приветствия пожал руку старичку, – остатки своего добра не сливай. Тут к нам еще из-за рубежа приедут посмотреть, на что мы способны. Вот тогда, может, и вторая половина твоих запасов пригодится.

Дед живо согласился и снова стал обнимать Витька.

– А здорово ты, солдатик, на парашюте-то спустился. Это ведь я и не знал, что на наших пешеходных машинах такие катапульты устанавливают.

– Да нет, – поправил дедка подошедший Петрушевский. – Это не он, дедуль, это я сверху спускался. И никакой катапульты не было. Меня из машины взрывом выкинуло. А это не парашют, – Петрушевский повертел перед дедом белые рейтузы. – Вот на нижнем белье пришлось. Чего только в воздухе не сделаешь, когда жить хочется.

Резинкин наморщил нос и отвернулся:

– Ты добром-то не махай. Не чуешь, как разит? К тебе, конечно, все с пониманием относятся, – любой обделался бы, – но не надо уж так откровенно все свои подвиги-то демонстрировать.

Глава 2

Welcome к нам, на хрен!

Стойлохряков построил на взлетке первого этажа отобранных для оказания достойного сопротивления прибывающим войскам НАТО мотострелков. По условиям предстоящих учений русский взвод, впрочем, как и все подразделения прибывающих гостей, состоял из тридцати человек плюс один младший офицер – командир взвода.

Мудрецкому и не снилось стать предводителем отборных сил отдельного батальона, и правильно. Он был оставлен Стойлохряковым заниматься химиками, а командиром отборного взвода был назначен старший лейтенант Бекетов, командир разведчиков.

Из его подразделения пятнадцать человек – ровно половина – были призваны под маленький флажок с российским триколором защищать честь армии. Да оно и понятно, у разведчиков с физподготовкой все в порядке. Из трех рот и химвзвода к ним добавили лучших бойцов, в том числе и Простакова, как лучшего стрелка, и Резинкина, как лучшего водителя. И что самое удивительное, неожиданно для большинства крутым рэйнджером стал и Валетов.

Фрол был просто в психологической коме, когда узнал, что и Леха, и Витек идут соревноваться с натовцами, а его оставляют. Набравшись наглости, он лично пошел к командиру батальона и стал упрашивать его взять, так сказать, на поле брани. Но комбат был тверд, он не видел никаких причин, по которым должен был выбрасывать кого-то из пехотинцев и на его место ставить Валетова.

Фрол увещевал, что только при нем Простаков работает нормально, что только при нем Резинкин в состоянии верно и быстро провести машину по любым горам и долинам. Валетов даже набрался смелости и объявил себя душой всего коллектива.

Стойлохряков морщился – то ли от горячего чая, то ли от солдатской дерзости. Глядел на плавающий в коричневой жидкости лимончик и корректно отмалчивался. Наконец ему надоело слушать детсадовские нюни, и он спокойно поглядел на неказистого человечка:

– Ну почему я должен взять тебя? Какие у тебя есть достоинства? Ты сколько раз на турнире подтягиваешься?

Валетов задумался:

– Один, наверное, товарищ подполковник. Да разве это важно?

– А отжимаешься – полтора?

– Два! – воскликнул Фрол. – Целых два раза. Я могучий солдат, но сила моя в другом.

– И в чем же? – ухмыльнулся подполковник, заведомо зная, что никаких дельных аргументов Валетов не может ему привести.

– Я образованный! – воскликнул Фрол. – Самый образованный из всех солдат. Я полгода в политехническом институте проучился. И еще, – он поднял вверх палец, – я иностранный язык знаю!

В глазах у подполковника промелькнула искра. Действительно, неплохо было бы продемонстрировать не только умение хорошо стрелять и бегать, но и интеллектуальными солдатами блеснуть не помешает. Мало ли какие там испытания заготовлены.

– И какой же ты язык знаешь?

Валетов хотел вначале обнаглеть и сообщить, что владеет английским, немецким и французским. Но затем остановился только на английском.

Утверждение нуждалось в проверке. Комбат задумался на некоторое время, но вскоре задал вопрос студенту:

– Как по-английски будет «трахаться»?

– Фак, – не задумываясь, ответил Фрол.

– А «мать»?

– Мавэ.

– Да, – согласился Стойлохряков, – мать, она везде мать. Ну ладно, будешь номером тридцать. Последним. Хотя списки утряс я еще два дня назад, но так и быть, кого-нибудь выкину оттуда ради такого интеллектуала. Можешь идти.

Валетов радостно повернулся на каблуке и строевым шагом затопал к двери, но не успел дойти до нее – комбат остановил.

– погоди, что-то меня сомненья гложут. Переведи-ка мне на английский, скажем, такую фразу: «Полковник, мы этого делать не будем».

Не задумываясь, Валетов выпалил:

– Колонел, хэй, фак ю!

Стойлохряков в задумчивости взмахнул рукой в воздухе.

– Ну, в общем и целом, где-то так... смысл ты сохранил. Ладно, иди отсюда.

– Фак ю! – радостно воскликнул Валетов, приложил руку к кепке и быстро извинился: – Пардон, товарищ колонел, я хотел сказать, есть, сэр!

Когда счастливый Валетов завалился вечером в казарму с видом великого Давида, пять минут назад разделавшегося с Голиафом, Резинкин тут же бросился выяснять, где тот снова сумел надыбать денег – или в карты у кого-то выиграл, а может, жрачку раздобыл. Ведь обычно у Фрола настроение поднималось только в те минуты, когда он мог ублажить или собственный желудок, или карман. Но в данном случае Валетов умаслил собственное самолюбие.

Когда он сообщил всем присутствующим, что идет вместе с Простаковым и Резиной, дембель Петрушевский даже поднялся со своей койки и громким, басовитым голосом, подражая прежним дедам, высказался чисто по-русски, что, мол, вранье все это. Несмотря на крепость произнесенной фразы, Фрол на фольклор не обиделся. Он словно муха влетел на верхнюю койку и, шмякнувшись, начал довольно ржать.

– Учитесь, товарищи солдаты, воинской мудрости! Служите честно и верно, а я, великий я, буду отстаивать вашу задрипанную часть перед всей Европой!

Отборный взвод, одетый в новенькие камуфляжи, с ранцами за спиной, подвергался придирчивому осмотру командира батальона. Старший лейтенант Бекетов успел уже всех проклизмить не единожды по ходу авральной ночи, посвященной подготовке к приближающимся событиям. Оставшись довольным, подполковник сообщил о необходимости в точно таком же виде сегодня в двенадцать стоять на плацу и ожидать прибытия трех взводов и «ихнего» командования.

– Валетов! – ткнул Стойлохряков во Фрола. – Поедешь со мной переводчиком.

Вот только теперь всем стало ясно, по какой-то такой причине комбат включил в состав подразделения мелкого гада, выиграть у которого в карты было нереально – во всем, видимо, фамилия виновата, самая что ни на есть карточная.

Фрол постарался как можно солиднее и басовитее выкрикнуть: «Есть!».

Удалось.

Плюхнувшись на заднее сиденье «Ауди», Валетов замер, он лихорадочно вспоминал все известные ему английские слова – набиралось не так много. Если отбросить числительные до десяти, то еще в районе пятидесяти слов он помнил. Похоже, назревал некоторый конфуз, но стоит ли сейчас признаваться, вдруг все как-нибудь обойдется?

Стойлохряков в парадной форме на мытой машине въехал на территорию военного вертолетного аэродрома. К великому сожалению Фрола, длительной поездки в Самару не получилось. Оказывается, все намного проще.

В половине одиннадцатого утра три транспортных вертолета Министерства обороны один за другим приземлились на аэродром, и из них стали выбегать солдаты. Валетов, когда увидел прибывшие к ним силы, струхнул – обделал таких откормленных, здоровых жеребцов

будет явно непросто. Судя по всему, отбирали в эту поездку и в Германии, и во Франции, и в Англии. Никто не хотел ударить в грязь лицом друг перед другом, и уж тем более перед русскими.

Три взвода замерли около вертолетов, а командиры подразделений, все одетые в полевую зелено-коричневую форму, направились к Стойлохрякову, встречавшему гостей. Рядом с подполковником стоял не так давно подъехавший генерал Лычко, успевший прихватить из Самары прапорщика. Но в отличие от большинства обыкновенных хозяйственников, этому прапорщику было очень даже приятно смотреть в глаза – девушка с длинными ногами выполняла роль переводчика.

Когда Валетов узнал об этом, он расслабился и вытер со лба испарину, но не смел даже дыхнуть, так как вот они, люди континентальной Европы и туманного Альбиона.

Генерал Лычко, перетащив свой маленький бурдючок, перетянутый ремнем, вперед на пару шагов, стал встречать гостей однотипным: «Хеллоу!» и жал всем руки. Соблюдая субординацию, младшие офицеры, командиры взводов отдавали честь генералу, прежде чем с ним поздороваться.

Последним из вертолета вышел высокий, поджарый полковник. Как и понял Стойлохряков, это и был тот самый Тод Мартин – американец, которому предстояло наравне с комбатом заниматься координацией действий всех военных. В то время как младшие офицеры просто поздоровались и вернулись к своим подразделениям, американец подошел и поздоровался со всеми, включая и Валетова, чем поверг его в легкий транс. И затем бегло стал разговаривать с генералом, неслабо напрягая девушку переводчицу. Но та не тушевалась и синхронно тараторила в обе стороны.

Диалог налаживался. Из слов переводчицы следовало, что гость отмечает хорошую солнечную погоду, мол, у них такая же во Флориде, и надеется на плодотворную работу в течение следующих двух недель. Стойлохряков от естественного волнения – все-таки из-за границы к ним приехали! – и думать забыл о Валетове. А тот, совсем наоборот, честно выполнял свои обязанности, хотя и работал при этом вторым номером. Он, правда, не решался кричать громче, чем говорит эта высокая и прилизанная дамочка, но в то же время под нос себе бубнил все то же самое, что и она.

Первым делом людям дали команду и посадили в три подошедших грузовика. Стойлохряков вместе с Тодом потопали к «Ауди». На заднее сиденье посадили Валетова и прапорщика. Для удобства перевода девушка расположилась посередине заднего сиденья, а Валетов оказался прижат ее полненьким бедром к одной из дверей. Он мог бы и не касаться ножки девушки, но разве уж будет он забиваться в угол? Да ничего подобного! Не пощупает, так потрется.

Генерал Лычко, убедившись, что все прошло штатно, оставил длинноногую и умчался в свою Самару.

Отсутствие большого числа официальных лиц несколько удивило подполковника, и он первым делом поинтересовался, как их встретили в аэропорту.

– О'кей! – ответил Тод.

– Хорошо, – сказала переводчица.

– Ни одна муха не портила пейзаж на стекле собственным совокуплением с себе подобным, – тут же пробурчал Валетов.

– Как вам Россия из иллюминатора вертолета?

Тод: «Красивые церкви».

Переводчица: «Церкви понравились больше всего».

Валетов: «Не хреново, когда можно помолиться Богу даже в такой глуши».

Стойлохряков:

– Мы подготовили для вас небольшой дом, а сегодня вечером прошу ко мне, так сказать, на ужин.

Американец принял предложение с большим удовольствием, видимо, будучи наслышан о русских застольях и гостеприимстве, во всяком случае по отношению к иностранцам.

– Я обязательно приду. Во сколько состоится наша вечеринка?

Переводчица: «Конечно. Когда я должен подойти?»

Валетов: «Какие дела, я люблю пожрать!»

Тод:

– А почему у вас два переводчика работают одновременно?

Стойлохряков:

– Да это лишнее. Рядовой, помолчите.

Переводчица: «Полковник сказал, чтобы рядовой перестал меня дублировать».

Валетов: «У меня еще будет возможность, а сейчас я замолкаю, лишь бы не было войны».

Комбат отвез американца в дом, выделенный ему в Чернодырье, а сам отправился на плац поглядеть на своих красавцев. Оставшись довольным, он засадил их всех в «шишигу» и отправил на заранее выбранное место.

* * *

Англичане, французы и немцы копошились на большой поляне, устанавливая свои собственные палатки, когда подъехали русские. Работа в трех углах прекратилась, и все стали смотреть на взвод, выпрыгивающий из кузова. Соответственно, и хозяева стали разглядывать гостей.

Резинкин, имевший возможность наблюдать за приехавшими европейцами первым, так как находился за рулем, отметил сходство прибывших подразделений, и ему казалось, что родной взвод экипирован не хуже.

Камуфляжи всех трех взводов отличались друг от друга незначительно: преобладал зеленый цвет, а прожилки у кого были коричневыми, у кого – желтыми, а у кого зеленый цвет сменялся с темного на светлый. Русские прибыли в зелено-коричнево-желтой униформе, и поэтому каждое подразделение могло отличать своих от чужих.

Все четыре места для разворачивания палаток были обозначены флажками. Участок, закрепленный за русскими, пока пустовал. Простаков, вывалившийся одним из первых из кузова, произвел надлежащий эффект габаритами. Появившийся следом за ним Валетов наблюдал, как стали оживленно переговариваться между собой гости. Но как только он сам появился и встал рядом с Лехой, встревоженные восклицания сменились улыбочками, и Валетов поспешил отойти от Простакова подальше, чтобы своей персоной не портить впечатления. Ну не уродился он здоровым, зато самый умный... и еще он переводчик!

Бекетов построил своих людей, еще больше выпячивая и без того крутую грудь. Он набирал в легкие большое количество воздуха и так резко и громко оглашал поляну командами, что не слышать его было невозможно. После того как смотрины и переглядывания были окончены, все четыре команды принялись в интенсивном темпе наводить марафет около своих точек.

Только Леха стоял и смотрел на здорового парня, усевшегося около немецкого флажка и не сводившего с Лехи глаз. Ребеночек крупненький. Простаков сразу понял, случись что – придется с ним тягаться в каком-нибудь конкурсе «Веселые старты», мать их.

Бросив последний взгляд на бюргера, Леха принялся помогать товарищам разворачивать огромную взводную палатку. Если младшие командиры были прикованы к своим подразделениям, то те, кто рангом повыше майора, могли себе позволить более комфортные условия обитания.

Вечером Стойлохряков прибыл в лагерь и с удовлетворением обнаружил, что все четыре подразделения уже не только разбили палатки, но и организовали общий пункт питания под навесом и суетились уже вокруг полевых кухонь. Причем наряды выставлялись смешанные: по одному человеку от каждой команды вынуждены были носить воду, дрова и заниматься готовкой обычной русской гречки, в честь дорогих гостей приправленной тушенкой.

Наряд по кухне выглядел весьма весело – от россиян трудился Валетов, от других взводов были направлены тоже самые «могучие». Фрол, хоть и был опытным солдатом, но в отборном взводе оказался самой большой незначительностью. Так как командовал подразделением разведчик Бекетов, соответственно, он и не собирался припрягать своих собственных людей на хозяйственные мероприятия.

Тощий очкастый француз с двумя ведрами воды семенил к кухне с засученными рукавами. Немец, рыжий и голубоглазый чертила, вымахавший до двух метров, но не набравший больше семидесяти килограммов веса, страдал с пилой над деревяшкой. А англичанин пытался разодрать зубами новенький мешок с крупой. Валетов же, с головою погрузившись в полевую кухню, пытался развести в ней огонь. Народ шуршал, что было приятно, так как кормить предстояло им не много не мало, а сто двадцать человек.

Выслушав доклад всех младших командиров без исключения о том, что подразделения развернуты, подполковник вместе с переводчицей подошел к наряду по кухне и выдернул из печи Валетова.

– Поедешь со мной, надо будет разговор перевести с американцем. Товарищ прапорщик вот уже, к сожалению, уезжает в Самару, – Стойлохряков облизал глазами стройную фигурку девушки. – И будет принимать участие только во всех официальных мероприятиях. Остальная нагрузка, похоже, Валетов, свалится на тебя.

Фрол был рад-радешенек бросить грязное занятие и поменять амплу кашевара на престижную профессию военного переводчика.

* * *

Тод Мартин встретил Стойлохрякова и Валетова очередным рукопожатием и первое, что произнес:

– Ноу шауа.

– Чего? – не понял комбат.

– Жопу помыть ему тут нечем, – разъярился Валетов.

– А-а, это! – воскликнул подполковник. Он махнул рукой и вымолвил: – Кам он!

Прошли из избы в сени, где комбат продемонстрировал удивленному полковнику шаечку и ковшик. Глядя на удивленные глаза американца, Стойлохряков прошептал:

– И эти люди хотели нас победить... Смешно.

Валетов поторопился с переводом:

– Смол комфорт, товарищ колонел. Сэр. Бойл уота он китчен энд уош е легз эт хиа.

– Чего ты ему сказал?! – переспросил командир.

– Да чтобы он на плите воду грел. А то ведь не догадается.

– Это точно, – согласился подполковник. – Поехали домой ко мне, там уж стол накрыт, – пригласил комбат, указывая жестом гостю на машину, которую было видно из низенького окошка.

Валетов, не зная некоторых слов, на руках сделал черпающие движения, а затем шелкнул по горлу:

– Холидей!

Как выяснилось, подполковник был не прочь прохолодидеить весь вечер, тем более что он был уже морально подготовлен инструкторами еще в Штатах. Отказываться от застолья – обидеть хозяев.

Когда вошли к подполковнику, Стойлохряков первым делом сказал, что этот солдат будет у них переводчиком.

– Да я и сама несколько слов знаю, – ответила Вера. – Гуд ивнин!

Услышав, как жена почти по-американски поздоровалась с иностранцем, Стойлохряков щелчком по лбу отпустил Валетова. Тод поцеловал руку хозяйке и прошел следом за ней в зал. За столом уже сидел Холодец со своей женой – оба были в хороших костюмах.

После здоровкания с начальником штаба и его половиной, американец поглядел на стройный ряд выставленных посередине стола бутылок, графинчиков, фужерчиков, жбанчиков и фляжечек.

– Ноу дринк! – сообщил он обескураженным хозяевам.

Стойлохряков обратился за помощью к жене.

– Верунчик, спроси его, может, он чем болен?

Вера не зря получала в свое время высшее образование.

– Нет, говорит, что здоров. Но пить не будет.

– Так и мы тоже не пьем! – произнес Холодец.

– Но ты объясни дорогому гостю, что салат без водки – не салат, а за встречу, так это вообще надо поднять в обязательном порядке!

Хозяин дома сел на свое любимое место, потер ладони одна о другую и загадочно протянул: «Ну-с!», разглядывая интеллигентного вида подтянутого полковника.

– С чего начнем? – Пальцы бегали по бутылкам, словно по клавишам рояля, касаясь то одной, то другой.

– Да ну с чего, с русской, – подсказал Холодец, и одновременно перед гостем Вера поставила граненый стакан.

Подполковник знал заранее, что Тоду приходилось совсем недавно гонять талибов по Афганистану, но там все испытания, что выпадали на его долю, были явной фигней по сравнению с русским столом. Перехватив ошарашенный взгляд американца, жена подсуетилась и поставила перед ним небольшую стопочку, что вызвало вздох облегчения у гостя.

– Ну вот и отлично! – согласился с реакцией полковника комбат, свернул башку бутылке и налил стопку до краев.

С Холодцом на пару они не отказались от граненых стаканов, женщины плеснули себе винца.

– Ну, за встречу!

К удивлению Стойлохрякова, который ожидал, что полковник будет морщиться и бросится закусывать, ничего подобного не произошло. Цокнув от удовольствия языком, он произнес «Столичная» и набросился на салатик.

– Слушай, так он наш человек. Из скромности отказывался, получается.

Тем временем Тод не терялся за столом – прошелся по всем салатам, сделав у себя на тарелке неплохую горку, и начал с превеликим удовольствием уплетать все это за обе щеки.

Разговор не клеился по той простой причине, что рот у Мартина был все время занят. Наконец, споров салаты и очистив тарелку, он с благодарностью поглядел на Веру:

– Хорошо! – произнес он по-русски.

– Вы так проголодались? – справилась хозяйка.

– Нет, – ответил американец. – То есть да. Я не ел целые сутки. Так получилось.

Вера перевела.

– Ну надо же, наши вообще охренели! – согласился с такой постановкой проблемы комбат. – Нельзя так с гостями обращаться. За это надо выпить, чтобы больше такого не было.

* * *

Утром следующего дня «Ауди» подъехала к уже проснувшемуся лагерю, и первым из машины выпал Тод. Из-за баранки выбрался Стойлохряков, споткнулся и встал на четвереньки. Американец, не отошедший еще от выпитого, обошел машину и увидел комбата, стоящего на четырех «мостах», подумал одурманенной головой, что это такая шутка, причем чисто русская, и сам обозначился в точно такой же позиции. Теперь они вдвоем были готовы стартовать по укатанной машинами травке к палаткам, стоящим от них всего в сотне метров. Мыча и пережевывая жвачку из слюны, комбат пополз на четвереньках вперед, издавая при этом протяжное: «Му-у-у-у».

– Ха-ха-ха, – рассмеялся Мартин и также замычал, подражая корове.

Бекетов также успел за ночь познакомиться с лейтенантами из европейских стран, и сейчас они вчетвером встречали приближающееся к ним начальство. Высокий, подтянутый офицер французской армии Пьер Боше толкнул в бок англичанина Стива Ватерспуна и, улыбаясь, сказал ему по-английски пару фраз. Немец Дитрих Ельцки оценил шутку товарища и рассмеялся. Бекетов понял смысл сказанного – все сводилось к тому, что надо же было так ужраться. Но вместо того чтобы поддержать своих коллег по работе, сообщил им на немецком, что, мол, не надо радоваться, все еще впереди.

– Сегодня просто пить было нечего, – добавил он уже по-русски, и, слава богу, его никто не понял.

Тем временем командиры продолжали совершать марш-бросок и медленно-медленно приближались к выстроившимся в шеренгу офицерам. Все солдаты четырех взводов, не зная, как себя вести, за исключением уборщиков наряда по кухне и дневальных, выстроились каждый у своей палатки и замерли, наблюдая картину утреннего вползания болеющего после вчерашнего передоза начальства на объект. Но если эти граждане наконец-то придут в себя и им что-то не понравится, спишут один, а то и два балла.

Суть всей игры заключалась в том, что изначально у каждого подразделения сто очков. Баллы могут списывать только Стойлохряков и Мартин. Все остальные лезут из кожи вон для того, чтобы не зарабатывать штрафных очков. Соответственно, победит тот, у кого больше всего останется этих самых очков на виртуальном счету.

Мартин не настолько переусердствовал за столом, как принимающий его коллега, и воспринял все как некую шутку – первым быстро досеменил на четвереньках и коснулся ботинка Пьера Боше, после чего поднялся и стал весело посмеиваться над тем, как Петр Валерьевич бьется с силой тяготения. Наконец подполковник, поняв, что до ботинка на четвереньках он не доползет, поднялся и пьянящими глазами оглядел построившиеся команды. Потом взглянул на часы, пошатнулся и выкрикнул:

– Я не понял, орлы, вы почему не на трассе?

В первый день по расписанию имел место быть марш-бросок на тридцать километров с полной выкладкой. Побеждает то подразделение, которое первым в полном составе прибывает к финишу.

Валетов, стоя в строю, не поддерживал смехуечки своих товарищей по поводу ползущего командира, так как он больше всего боялся помереть во время эксперимента над собственным организмом. Как он сможет тащить тяжеленный ранец, автомат, четыре рожка с патронами? Да он сдохнет! Еще и бронежилет на него надели, сволочи! В нем дышать – то невозможно, давит все. А стальная каска. Вы когда-нибудь ее в руках держали? Это же офигеть можно! Она еще и на голову надевается! Да после этого башка не то что думать не будет, пищу через нее в пищевод не засунешь – все тело сминает и перекашивает! Ужасно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.